

Наташа Черноокова

Вселенная в тебе

Наташа Черноокова

Вселенная в тебе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715513

ISBN 9785448540431

Аннотация

Надя и Тор – такие разные, как Свет и Тьма, как Добро и Зло... Но они – любимые дети Вселенной. Из жизни в жизнь они познают ее законы. Из жизни в жизнь они доказывают себе и всем вокруг, что нет ничего невозможного... Они – путешественники по времени и миру в элегантных телесных костюмах, и для них нет ничего непреодолимого несмотря ни на что... Почему? А потому что в них есть нечто, что дает им неисчерпаемый заряд энергии и сил. Это – Любовь!

Содержание

Глава I. Свет и Тьма	5
1	6
2	13
3	22
4	31
5	35
6	43
7	49
8	56
9	65
Глава II. Лея	69
1	69
2	77
3	80
4	84
5	90
6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Вселенная в тебе

Наташа Черноокова

Дизайнер обложки Наташа Черноокова

Иллюстратор Наташа Черноокова

© Наташа Черноокова, 2017

© Наташа Черноокова, дизайн обложки, 2017

© Наташа Черноокова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4043-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Свет и Тьма

– Надя, а давай сегодня не пойдем на занятия, – вдруг тихо, чтоб никто, кроме меня, не услышал, сказала Леля и мечтательно посмотрела в небеса.

О, как!

А ведь это было на нее совсем не похоже: Леля, обычно очень ответственная и дисциплинированная во всех делах и вопросах, сама предлагает прогулять занятия. Я внутренне удивилась. Возможно, она просто пошутила, но это предложение мне очень понравилось. Мне и самой сегодня хотелось быть подальше от наших многочисленных сородичей.

Мы с Лелей, как и остальные молодые души, которые живут в нашем поселении и относятся к нашему Роду, направлялись на занятия к учителям. Мы разделены на группы, и в каждой группе есть свой учитель, свои уроки и свое количество учеников. В нашей группе – пять человек. У меня, конечно же, сразу возникла мысль, что если нас не будет на занятии, то это будет очень даже заметно. Но я хихикнула в ответ Леле. Сегодня было очень теплое и светлое утро, внутри меня все радовалось ему и хотелось просто отпустить все свои мысли на волю, а не собирать их в кучу и постигать новые знания. Я поддалась провокации собственных мыслей, своего настроения и предложения Лели.

– А давай! – воскликнула я и схватила ее за руку.

Мы резво помчались в сторону, противоположную движению учеников. Те, кто заметил это, проводили нас недоуменными взглядами. Мы засмеялись, когда увидели, как открылись рты у некоторых наших товарищей, ведь они не ожидали такого внезапного манёвра с нашей стороны. Мы еще некоторое время смеялись и восторженно верещали, когда мчались прочь от сонной процессии, удаляясь от нашего поселения. Нас подгоняло ощущение счастья от внезапно обретённой свободы и драйв от совершённого проступка.

Недалеко от нашего поселения протекала бирюзовая речка, неугомонная и бурливая, с порогами и веселыми брызгами, неравными по высоте берегами и гладкими сине-голубыми камешками, переливающимися вдоль кромки воды. Это было наше с Лелей любимое место. Остановившись на ее обрывистом берегу, мы повалились в траву. Наше поселение осталось в стороне и призрачными белёсыми коконами висело над равниной. У его подножия, казалось, лежит сизая дымка тумана. Еще дальше от него, справа и слева было много других поселений. Одни поселения больше нашего, выше, другие – меньше. Купола, сферы, коконы утопали в облаках, повисали среди деревьев или раскидывались среди каменистых гор. Зрелище было поистине удивительным и космическим...

– Так не хочется всё это покидать, – грустно сказала Леля, окидывая взглядом красоту, которая нас окружала.

Она сидела чуть позади меня и так же замороженно смот-

рела на пейзаж, который раскинулся вокруг. Мы любили сюда приходить. Это был наш с ней способ наполнения энергией. То, что мы видели, чувствовали, ощущали – не просто нас окружало. Оно врвалось внутрь и заполняло все свободное пространство внутри нас.

– Эх, будет ли у нас и на Земле возможность ощущать нечто подобное? – вздохнула Леля.

Она посмотрела на меня. Её глаза, такие огромные и бездонные, излучали грусть... А мне грустно не было, а наоборот: хотелось как можно больше напиться всем этим здесь и увезти в новую жизнь. Я радовалась тому неизвестному, что ждало нас впереди.

– Леля! Ну что ты? Конечно будет! – воскликнула я и, взяв Лелю за плечи, с улыбкой посмотрела на неё. – Ты даже не сомневайся!

Леля ответила на улыбку и, сбросив мои ладони со своих плеч, повалилась на спину, раскинув по траве свои легкие тонкие руки.

– Интересно, какая она – жизнь на Земле?

Леля мечтательно всматривалась в сиреневый космос, который развернулся у нас над головами. Голубые, белые, желтые и розовые облака то сходились, то расходились в своем полете. Они то открывали, то прятали прозрачные, словно акварельные, диски далеких и близких планет. Я легла рядом с Лелей так, что наши головы соприкасались.

– Мы ведь обязательно узнаем друг друга, правда? – спро-

сила она.

– Конечно. Мы и там будем сестрами, я уверена! – твердо сказала я.

– Мне бы твою уверенность... – после недолгого молчания тихо сказала Леля.

Я не ответила. Я правда была уверена. Я даже сама себе не могла объяснить почему. Просто знала это и всё.

Мы – молодые Души огромной Вселенной, маленькие искры бесконечного мира. Первые Души – самые древние, и они уже давно эволюционируют в других мирах. Но все мы связаны незримыми душевно-эмоциональными нитями. Наша энергетика едина. Мы – Светлая энергия Вселенной. Энергия добра и любви. Но мы ещё очень малы и неопытны. Не всегда нам под силу разобраться в том, что истинно светло, и что есть истинное добро. Поэтому теоретические знания, духовное обучение мы получаем здесь, дома. А вот практические занятия нам нужно будет пройти в материальном мире. Для нас выбрана планета Земля, которая находится в галактике Млечный Путь. На орбите Земли, но в другом измерении будут расположены наблюдательные посты, где Хранители Родов будут зорко следить за нашими эволюциями в земной жизни. После каждой прожитой жизни вместе с Советом Старейшин, там же, на орбите, мы будем разбирать и анализировать все наши победы и поражения. Нас будут направлять и будут подсказывать нам наиболее верные решения проблем и вопросов. И всё это будет осуществлять-

ся под присмотром курирующего Верховного Бога. Их много, но у нас это Перун. Поэтому мне совершенно не было страшно. Я полностью доверяла нашим учителям и Хранителям.

– Леля, ну ты ведь знаешь, что мы все туда летим. Весь наш Род... – пыталась я успокоить Лелю. – Ну, почти весь... Мы все будем вместе, рядом. И на орбите еще часть нашего Рода. Они ждут нас, чтобы помогать в трудных ситуациях, если нужно будет, подсказывать... И Верховные Боги будут неустанно наблюдать за нами и оберегать. Ты ведь знаешь это.

– Я знаю... Но мне почему-то... страшно...

– Леля! – засмеялась я. – Ну какие же ты глупости говоришь! Как можно этого бояться?

Леля внезапно подскочила. Я прямо почувствовала, как ее возмущение буквально подкинуло её.

– Как?! – воскликнула она. – Ты спрашиваешь, КАК???

Она нависла над моим лицом и затараторила так, что я невольно зажмурилась.

– А я не понимаю, как можно быть настолько беспечной, когда предстоит такое серьезное дело впереди!!! Это тебе не с нашими милыми и добрыми учителями по душам на занятиях разговаривать!!! Это – ЭКЗАМЕНЫ!!!

В лице Лели отразился вселенский апокалипсис, а глаза сделались ещё огромней, как будто лицезрели всю его масштабность.

Я села на траву и вздохнула. Чувствуя то, что творится внутри неё, мне стало её жаль. Какая она еще все-таки маленькая. Может зря её так рано отправляют на Землю? Может сказать маме, чтоб поговорила с Перуном? Он, все-таки, главный у нас, один из Верховных Богов.

Я обхватила Лелю за плечи и притянула к себе.

– Да не экзамены это. Это все те же занятия, только практические. Всё то, что ты изучила здесь, нужно будет закрепить делами. И помогать другим это делать. И самое главное, – я отстранила от себя Лелю и заглянула ей в глаза. – Ты и все мы всегда будем под присмотром. Нас никому не дадут в обиду. К тому же, у нас самый сильный Род!

Взгляд Лели перебегал от одного моего глаза к другому и было видно, как мечется в нем тревога.

– И даже Тёмным? – тихо и со слабой надеждой спросила она.

– Никому! – твердо ответила я.

Но я чувствовала, что тревога её ни капельки не ослабла. Она волнами, пульсируя, исходила от Лели.

– И, кстати, я теперь твердо знаю, какой урок ты не усвоила, – вздохнув сказала я.

– Какой? – без интереса, будто по инерции спросила Леля.

– У тебя провал в доверии. Ты будешь учиться доверять. И, боюсь, что на это уйдет не одна твоя жизнь...

Я встала и подала руку Леле, чтоб помочь ей подняться.

Всю дорогу обратно в поселение мы шли молча. Я думала

о Тёмных. На занятиях нам рассказывали, что это была другая разновидность Душ, обитающая в основном в соседних Галактиках. Они разоряли миры, питаясь светлой энергией, опустошая все в ноль. Задача многих Душ в нашей и других светлых галактиках, в том числе и наших с Лелей родителей, заключалась в том, чтобы создавать, поддерживать и защищать жизнь во многих мирах Вселенной. Но была ещё одна разновидность Душ. Это бывшие Тёмные, которые желали идти другим путем. С ними у нас был заключен мирный договор. Нейтралитет. Верховные Боги разрешили им основывать поселения на нашей планете, получать от наших учителей светлые знания и учиться возвращать светлое в своих душах. Их называли Серыми. Они так же отправляли группы своих Душ на Землю, чтобы закреплять свои знания и эволюционировать. Этого-то и боялась Леля. Но это было всё, что мы знали о Тёмных и Серых. Мы никогда их не видели. Иногда только Серых, да и то они нас десятой дорогой обходили.

Мы с Лелей вернулись домой и время потекло своим чередом. О том разговоре мы не вспоминали. Старшими душами велась тщательная подготовка к временному переселению части нашего Рода в галактику Млечный Путь. Мне ужасно нравилось это название! Я рвалась туда всей душой! Я верила, что время, проведенное там, будет очень интересным и полезным. Я видела на занятиях планету Земля и безоговорочно влюбилась в неё. Я видела во снах ее рассветы и закаты, её бескрайние океанские просторы, пики её белоснежных горных вершин. Мне хотелось туда прямо сейчас! Мир Земли был похож на наш, но всё-таки немного другой. Это был материальный мир. И энергия в нём текла по-другому. Мне хотелось всё это испытать. Мне хотелось гулять по её лесам, вдыхать аромат полевых цветов и слушать пение птиц. Мне хотелось знать, каково это – ощущать себя в земном теле и знать, ЧТО чувствует это тело. Поэтому я часто с нетерпением спрашивала у родителей: «Ну, когда же, когда мы полетим?!» В ответ они смеялись, называли меня торопыгой и говорили, что скоро.

Сегодня после занятий к нам подбежал Алекс.

– Надя! Мы сейчас решили собраться на нашем месте. Придете? – спросил у нас он, с улыбкой глядя на меня своими невероятными глазами.

Мир внутри него переливался и лучился яркими и чистыми красками.

Мы с Лелей переглянулись. Она дернула плечом, что вроде как ей всё равно, но я-то знала, как она любит эти поделки.

Мы согласились.

После занятий мы, несколько молодых Душ нашего Рода, стали часто собираться на полянке среди деревьев за поселением. Иногда к нам присоединялись молодые Души из соседних Родов, и мы были совсем не против них, уже со многими перезнакомились и подружились. Основной темой, конечно же, было переселение и наша новая жизнь. Это будоражило нас всех. Мы фантазировали, шутили, рассказывали о том, что проходили на занятиях, делились знаниями и рассуждениями. Нам нравилось собираться вместе и обсуждать разные вопросы, связанные с предстоящим путешествием. С Лелей мы часто приходили на поляну. Немного, правда, меня смущал Алекс. Мне было, конечно, приятно, что он часто оказывался рядом и старался садиться возле нас с Лелей, но я смущалась, когда он открыто смотрел на меня, и мне даже хотелось спрятаться. А вот Леля была от него в восторге! И вот сейчас, когда он обрадованно кивнул и сказал, что ждет нас там и умчался, Леля чуть не расплылась на пороге нашего дома.

– Нааааа, – протянула она и скорчила умильную гримасу. – Какие у него глаза!

И мечтательно посмотрела в след Алексу.

– Фу, Леля, обычные у него глаза, – сказала я и даже скривилась.

– Ты что? – Леля, дурачась, толкнула меня в плечо. – Я еще ни у кого не видела, чтоб глаза так светились и таким цветом. А всё почему, как ты думаешь?

Леля состроила дурашливую рожицу, заглянула мне в лицо и лукаво прищурилась.

– Никак я не думаю, – отмахнулась я и пошла вдоль дорожки в ту же сторону, куда убежал Алекс.

Леля вприпрыжку догоняла меня. Мы шли по теплой, залитой солнцем тропинке меж высоких трав. Лёгкий ветерок ласково обдувал наши лица и путался в волосах. Макушка Лели так светилась под солнцем, что казалось, будто оно спряталось в её светлой копне.

– Ах, как бы я хотела, чтоб на меня смотрели так же! – мечтательно сказала Леля, сложила две ладошки вместе и звонко рассмеялась.

– Глупышка ты, – улыбнулась я ей в ответ. – Не вгоняй меня в краску.

– Ну он же тебе тоже нравится? Ну скажи, скажи! Признайся!

Леля скакала впереди меня и смеялась.

– Прекрати, ты что такое говоришь? Не хочу я ни в чем признаваться.

– Ну и ладно, – сказала Леля и пошла рядом, счастливо

улыбаясь. – А мне вот он нравится.

– Ну и выходи за него замуж, – хохотнула я.

– Нее, ты что... Я пока не собираюсь. Я ещё маленькая.

Мы рассмеялись так, что на нас обернулись все, кто собрался на лужайке. Одни сидели прямо на траве, другие на брёвнышке, которое принесли сюда специально. Мы подошли и сели в кружок. Алекс тут же вскочил со своего места и пересел рядом с нами. Обсуждалась, как обычно, планета Земля и всё, что мы о ней узнали из уроков: в какое время мы туда попадем, кем мы там будем и кем бы хотели быть. Так как наши наставники с нами пока еще не обговаривали наши будущие роли в жизни, это оставалось в пределах наших фантазий. А фантазировать было интересно! Мы шутили друг над другом, придумывали самые разнообразные формы существования: от человеческих до пресмыкающихся и насекомых.

– Да, сейчас-то нам смешно, – серьёзно сказала Рина. – А вдруг и правда в первой жизни как окажешься каким-нибудь пауком. Смешно уже не будет...

– Да брось! – воскликнул Илай. – В этом, я думаю, абсолютно нет ничего страшного. Зато быстрее перейдешь на новый уровень. Ну, при условии, конечно, что научишься всему, чему должна будешь научиться в теле паука. А ты ведь у нас умница!

Илай подмигнул Рине и зашевелил растопыренными пальцами. Все дружно рассмеялись. Илай был весёлым

и добрым. Этакий массовик-затейник. В поселении он частенько устраивал разные мероприятия для молодёжи. Его любили и уважали.

– Там уже почти всё готово. Я узнавал сегодня, – сказал Алекс. – Осталось совсем немного и будем проходить собеседование с учителями и Советом Хранителей Рода.

– Ну и как, все уже знают свои слабые стороны? – высоким голосом произнесла Аля, поправляя свои длинные золотистые волосы. – Уже знаете, что нужно в себе исправлять?

Все как-то неопределённо пожали плечами, похмыкали, похихикали и промолчали.

– Я вот, честно сказать, даже и не знаю, – продолжила Аля, наматывая длинную светлую прядь на свой тонкий пальчик. – Мне кажется, что я идеальна.

Она загадочно улыбнулась и покосилась на Алекса. Но он на неё даже не посмотрел. Аля была из соседнего Рода, но частенько приходила к нам. Вся такая томная и воздушная в волнах длинных светлых волос, она всячески строила глазки Алексу.

– А вот и первый твой урок! – радостно воскликнул Илай и хлопнул в ладоши.

– То есть? – смутилась Аля и было очевидно, что укол Илая ей неприятен.

– А то и есть, что ты слишком самонадеянна, детка! – Илай по-доброму рассмеялся. – Аля, не обижайся. Я думаю, что тебе придется учиться скромности, умирять свою

гордыню, учиться замечать не только свои потребности, но и окружающих. Ну это на первый мой взгляд, зная тебя!

Аля задумалась. Она привыкла к тому, что своё мнение всегда считала единственно правильным, поэтому откинула кивком головы волосы за спину и сказала:

– Ну, в любом случае, это – только твоё мнение! Решать всё равно не тебе!

Илай улыбнулся и покивал головой.

– На самом деле, этот вопрос не только интересный, но и достаточно важный, – задумчиво сказала Катя, – потому что, зная слабости друг друга, мы могли бы на данном этапе уже немного подготовить сценарий будущих жизней. Мы могли бы продумать, кто и с кем будет в паре, кто и кому чем сможет помогать. Мы могли бы узнавать друг друга там гораздо быстрее.

Катя всегда была серьезной и рассудительной. Все одобрительно зашумели.

– Давайте действительно подумаем над этим целенаправленно. Катя права! – воскликнула Рина. – И не только над своими провалами, но и над провалами других. Ведь со стороны всегда бывает виднее. Нужно серьёзно подготовиться, а то мы все в какой-то эйфории.

– Давайте мы завтра обсудим это! Прямо каждого разберём по косточкам, – внес предложение Илай.

Над своим плечом я почувствовала горячее дыхание Алекса и его шепот защекотал мне ухо.

– Надя, какие бы уроки нам не пришлось отрабатывать, я тебя все равно найду и буду рядом. Ты не бойся.

Я смутилась, и мне вдруг это стало не совсем приятно.

– Я вообще-то не боюсь, – так же шепотом ответила я.

Хм, с чего это он решил, что я приглашала его в свою компанию? Внутри меня шевельнулся какой-то протест, но смех компании заглушил его. Из-за Алекса я пропустила часть разговора. Леля смеялась громче всех.

– Интересно, кто будет моим папой? – заливалась она.

– Главное, – подняв указательный палец вверх вещал Илай, – чтобы Аля не была твоей мамой!

Все, кроме Али, взорвались новым смехом.

– Не бойся, маленькая, – язвительно произнесла Аля и одарила Лелю и Илая убийственным взглядом, – этого не произойдет. Я из другого Рода. Обычно, если ты знаешь, Рода не смешиваются. У каждого Рода свои задачи. Или вы этого не проходили на занятиях?

– Кстати, – сказала Катя, никому не дав возможности отреагировать на замечание Али, – вы ведь все в курсе, что мы можем быть как папами, так и мамами.

Катя подмигнула.

– Ну конечно! Мне лично нравится эта идея, – сказала Рина. – Пробовать в себе разные качества, и мужские, и женские – это круто! Это прогрессивное развитие.

А еще мы можем быть и паучками, и тарака-а-ашками, – передразнил её Илай и показал ей растопыренную пятерню

с шевелящимися пальцами.

И снова новый взрыв смеха.

Время приближалось к вечеру, и все засобирались по домам. Но мне не хотелось домой... То есть, хотелось, но не сейчас. Меня вдруг очень взволновал вопрос о том, чего мне не хватает в себе, чему мне нужно учиться. И мне хотелось подумать об этом, не отвлекаясь ни на кого и ни на что.

Алекс с улыбкой поднялся на ноги, встал рядом со мной и Лелей с намерением сопровождать нас до дома. Леля смешно и как-то по-детски стала кокетничать с ним, но, когда я предложила им одним идти домой, лицо её вытянулось.

– В смысле «проводи Лелю»? – удивленно произнесла она. – А ты?

– А я хочу немного прогуляться одна, – ответила я.

– Я с тобой! – сказала Леля, будто и не слышала меня.

– Я сказала «одна», – мягко повторила я. – Алекс, пожалуйста, доведи её до дома.

Я улыбнулась разочарованному выражению лица Алекса. Тот опустил взгляд и кивнул.

Повернувшись к ним спиной и не оглядываясь, я неторопливо двинулась в сторону реки.

Приближающийся закат окрашивал небо в совершенно невероятные цвета. Нависающие диски недалёких планет стали проступать ярче и фантастичней. Речка с радостью отражала всю эту окружающую красоту, добавляя в неё дви-

жение. Ветер, словно неведомое животное, шуршал в траве и по моим ногам взбирался вверх, чтобы улечься на плечи. Трава в широком поле колыхалась, будто море. Волны перекатывались и переливались разными цветами: от серебра до тёмно-синего. И, словно маяк, здесь высилось раскидистое одинокое дерево.

Я присела на обрывистом берегу недалеко от любимого дерева. Его листва умиротворяюще шепталась с ветром и настраивала на медитативный лад. Иногда с него срывались и с гулким стуком падали в траву переспевшие плоды. Только в этом месте думалось и размышлялось легче и приятней всего. Я вдыхала вечерний запах трав, запах реки и ещё много различных запахов, которые приносил с собой ветер. Он обдувал меня и мои мысли во мне легкой прохладой.

А я всё пыталась разобраться в себе. Чего же мне не хватает? Я сравнивала себя с родителями, с Лелей, с друзьями. Я пыталась анализировать, что есть у них и чего нет у меня. Чего бы мне на самом деле хотелось приобрести в своем характере? А от чего избавиться?

Я подумала об Алексе, Але.

И вдруг подумала о том, как Леля сегодня открыто говорила о своих чувствах. О том, что Алекс даже не пытался скрыть того, что я ему нравлюсь. Глядя на Алю, всем было понятно, что строит глазки она Алексу, а Илая откровенно не долюбливает.

А я?

Я почему-то часто стараюсь не проявлять чувств, не высказывать их окружающим. Я часто сомневаюсь в том, что говорит мне моё сердце. Часто сомневаюсь в том, что я верно

истолковываю разумом те чувства, что возникают во мне.

Может я не умею этого делать? А есть ли они, чувства, у меня вообще??

Я даже испугалась этих мыслей. Нет, конечно, они у меня есть! Я, наверное, действительно просто не умею их правильно выражать. Может быть, именно этому я должна научиться?

Нравится ли мне Алекс? – Да, конечно, нравится!..

Но не до такой степени, чтобы ответить на его чувства.

Я запуталась...

И даже немного расстроилась.

И тут боковое зрение уловило какое-то движение возле дерева. Я повернула к нему голову. Нет, только ветви дерева и трава под деревом колышутся от ветра. Я снова обернулась взглядом в сторону реки, но уже насторожилась. Прошло некоторое время, и я даже успела расслабиться, как вдруг движение возобновилось.

Нет, там явно кто-то был! Я пружиной вскочила на ноги.

– Кто там? – крикнула я в сторону дерева.

Никто не ответил. Ничего не изменилось.

Но теперь я точно чувствовала чужое присутствие. И была уже раздосадована тем, что моё одиночество нарушено.

– Выходи! Я тебя уже всё равно заметила! – строго и недовольно сказала я.

...Но увидеть того, кто вышел из-за дерева, я совсем не ожидала...

Это был настоящий эмоциональный удар. Молния ужаса пронзила меня насквозь, и внутри меня будто разорвалась ледяная бомба. Меня буквально парализовало. Каждая клеточка меня, каждый закуток моего сознания будто превратились в кусочки льда. Я даже слова вымолвить не смогла. Даже закричать. Полный паралич...

Передо мной стоял Тёмный...

Я даже не сразу смогла сообразить, что это такая же молодая Душа, как и я. Я видела только одно – это Тёмный. Внутри меня вдруг что-то стало истошно орать и истерически вопить от страха, но наружу так и не смогло вырваться. И я даже подумала, что голова моя сейчас непременно лопнет от этого крика.

И тут он заговорил:

– Да не бойся ты так... Вообще не бойся... Я не сделаю тебе ничего плохого... Правда.

Голос его был неожиданно приятным... как голос ветра. И двигался он мягко и неторопливо. Он, не глядя на меня, отошел от дерева и сел на обрыве. Сорвал травинку, и задумчиво глядя в даль за рекой, сунул её в рот и пожевал. Хмыкнул:

– Сладкая...

И снова взглянул на меня бездонными глазами. Да и сам он был каким-то бездонным. И настолько темным, что казалось, будто смотришь в глубь самой Вселенной...

– Ну, я же сказал – не бойся, – мягко сказал он мне. – Я

не опасен.

То ли от его голоса, то ли я просто смогла совладать с собой, но я вдруг почувствовала, что стала оттаивать. В буквальном смысле! Эффект первичного шока стал проходить, и от моей макушки вниз по телу будто прошло тепло. Начиная с моих мыслей до кончиков пальцев на ногах, все стало приходить в норму. Я попыталась произнести:

– С чего это?.. Почему я должна тебе верить?

В ответ на это он долго смотрел на меня, а потом опустил взгляд и грустно ответил:

– Действительно... Действительно... Учитывая то, какую славу во Вселенной мы заслужили, у тебя совсем нет причин верить мне, прости. Я не подумал об этом.

Я обмякла от пережитого страха и присела в траву на своё место, но, не отрываясь смотрела на него. Я боялась, что если отведу взгляд и потеряю бдительность, то мне это будет очень дорого стоить. А он продолжал:

– Правда, прости, но я сам не ожидал тебя здесь увидеть. Я уже давно здесь и, завидев тебя издали, решил спрятаться. Я думал, что ты ненадолго... И не думал, что выдам своё присутствие... Я просто устал, и ты меня заметила.

Он вздохнул.

– И я реально устал... Я не хочу больше прятаться. Не от тебя. А вообще.

– Что ты здесь делаешь? – строго и даже немного грубовато спросила я.

Он дёрнул плечом.

Он не смотрел на меня.

Он смотрел вдаль, на речку, на небо.

Он вдыхал запах этой планеты.

Он водил рукой по верхушкам трав, будто пытался почувствовать их прикосновения.

Он пробовал на вкус ветер, слова... Чувства, которые возникают в нём самом.

Мне казалось, что я чувствовала, что с ним сейчас происходит. Может это одна из способностей Тёмных – транслировать своё состояние? Нее, бред...

– Ты здесь один?

Он кивнул.

– Почему ты здесь? – продолжила я вопрос.

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

– А ты правда хочешь знать почему?

– Правда, – ответила я.

Он всё смотрел и смотрел на меня, будто изучал, будто хотел проникнуть внутрь моих мыслей и понять, действительно ли я говорю правду. И стоит ли мне раскрываться. Или лучше пройти мимо, не выдавая мне, как первой встречной, своих тайн. Он отвернулся и погрузился в свои мысли. Длинные, цвета тёмной пшеницы, волосы скрыли его лицо.

– Я ушёл от них... – наконец сказал он. – Я больше не хочу быть одним из них. Я чувствую, что я другой, и вижу, что и они меня чувствуют. И они не примут меня... Потому что

я не принимаю их... и не понимаю. Я знаю, что можно быть другим. Можно быть таким, какой ты есть... Но другим!!! Я никому не хочу причинять вреда. Я попытался поговорить с учителями о том, что должны быть способы познания вещей и мира в целом без поглощения, но они смотрели на меня, как на ненормального... И я решил, что хочу сам попытаться изменить хотя бы СВОЙ собственный маленький мир.

Он положил руку себе на грудь, словно указывая на мир внутри себя.

– Я знаю, что я далеко не один такой, что в вашем мире есть поселения Серых, бывших Тёмных... Вот я и решил попробовать присоединиться к ним.

– А как ты добрался сюда один? – воскликнула я, перебив его.

– Ну, на самом деле, добрался я сюда не один. Я разыскал пиратов, которые отправлялись на вашу планету, и тайком присоединился к ним.

– Что за пираты? – удивилась я.

– Ты не знаешь? – в свою очередь удивился он.

Я помотала головой. Я действительно ничего толком не знала о пиратах. У нас о них рассказывали, но так, словно это были легенды.

– Это Тёмные, но отколовшиеся от общества, от принципов и учений. Они поглощают всё, без разбора, без сожаления и даже без надобности.

– Но ведь все Тёмные такие!

В ответ на это моё восклицание он нахмурился.

– Ну что ты... вовсе нет. Мы поглощаем другие формы энергий, верно. Но только в качестве восполнения недостающих нам. Так мы познаём мир, чувства. Так мы учимся. Но это не делается так массово и безжалостно, как это делается пиратами...

– Да какая разница? – возмутилась вдруг я. – Какая разница КАК это делается?! Потому что это в любом случае насилие!!!

Он поднял руку в отстраняющемся жесте и покачал головой.

– Не кричи так. Ты действительно права, и я с тобой согласен. Поэтому я и пытался говорить с учителями. Но поняв, что всё бесполезно, решил уйти.

– Стоп... так ты здесь вместе с пиратами?! – вдруг дошло до меня. – И ты все-таки обманул меня, сказав, что один??

Я снова внутренне похолодела и огляделась вокруг.

– Да нет же! Не обманывал я тебя. Мы высадились очень далеко отсюда. И я уже много дней в пути. Один.

– Но ведь по пути есть много поселений Серых. Почему ты здесь? – мне казалось, что что-то не стыкуется в его рассказе.

В моих словах открыто сквозило недоверие. И я не пыталась его скрыть.

– Я сомневаюсь... Тихо! – он жестом остановил моё желание снова восклицать, увидев, как я открыла рот. – Да, я сомневаюсь, что хочу стать Серым. Я сомневаюсь в своих си-

лах. Я сомневаюсь во многом! Но это не значит, что я плохой! Это не значит, что я мерзкая, безжалостная и беспринципная тварь, черт побери!!!

На последних словах он повысил голос почти до крика, и тьма в глубине его сгустилась ещё больше. Я заморгала.

– Знаешь, лучше уходи, – кинул он.

Я чувствовала, что в нем вскипает гнев, который он сдерживает большим усилием воли.

– Я не прошу тебя верить. И не просил тебя слушать! Я просил только не бояться. Но я не звал тебя сюда!

– Да это мы не звали тебя сюда!

Во мне шевельнулось какое-то детское возмущение и бунт. Явился – не запылится! Тоже мне...

– Ну... может, я могла бы помочь тебе... – неожиданно вырвалось у меня.

Но в ответ на это он просто рявкнул:

– Нет!

И снова отвернулся.

– Уходи. Сам разберусь. Я не просил тебя ни о чём...

Я поднялась.

– Тогда прощай...

Он не ответил. И пока я уходила, ни разу не посмотрел вслед. Его фигура, сидящая, обхватившая колени, на обрыве над рекой долго темнела в наплывающих сумерках, пока совсем не скрылась от моего взгляда.

Когда я зашла домой, то Леля, увидев меня, сразу кину-

лась ко мне.

– Ты чего так долго??? – возмущенно заворчала она.

– Леля, не приставай. Мне нужно было подумать.

Я мимо неё прошла в нашу комнату.

– О чём?

Леля хвостом пошла за мной.

– Отстань.

Шутя, я оттолкнула её и рассмеялась.

Сегодня был какой-то странный день. И я его еще долго прокручивала в своей голове, пока не уснула.

Утром, отправляясь с Лелей на занятия, я решила расспросить учителя о Тёмных. Естественно, без свидетелей.

Сегодня занятия проводил Кир. Поговаривали, что он отправится вместе с нами и займет место в Совете Старейших, вместе с которыми мы будем обсуждать и решать наши судьбы и жизни. Они будут помогать нам в оценке полученных практических знаний, ситуаций, предлагать наилучшие решения наших проблем. И я радовалась, что Кир будет в Совете. Это была очень добрая и отзывчивая Душа. Нам всем нравились его занятия. Мы с удовольствием приходили к нему на уроки и просто за советом. Он всегда был рад прийти на помощь, объяснить и подсказать. Поэтому для разговора я выбрала именно его. И не ошиблась.

Когда я осталась после занятий и озвучила свою просьбу, Кир с готовностью отозвался. Правда, перед этим пришлось почти насильно избавиться от Лели, выпихав её из помещения. И она, наверное, обиделась. Но я решила, что обязательно ей всё расскажу, только позже... Успокоив себя этой мыслью, я перешла к разговору с Киrom.

Он пододвинул облачка, в которые мы присели, и приготовился слушать.

– Так о чём ты хотела поговорить? – спросил он и сложил руки со скрещенными пальцами у себя на коленях.

– Кир, – начала я и нервно вздохнула. – Расскажи мне... о Тёмных... побольше...

Я почему-то ожидала, что он сейчас удивится, начнет расспрашивать, почему у меня возникли подобные вопросы, и т. д. Я заготовила парочку безопасных ответов, чтобы не навлекать на себя каких-либо подозрений. Но Кир даже бровью не повел.

– О, ты молодец! Я смотрю, что ты серьёзно готовишься к жизни на Земле, это похвально!

– Да? – я немного была сбита с толку его словами.

– Конечно! Ведь многие, узнав уже перед рождением о том, что и Тёмные так же, как и мы, воплощаются на Земле, впадают в панику и теряются. Хотя мы достаточно времени отдаем урокам, на которых рассказываем о них.

– Да?? – снова вырвалось у меня.

– Надя, и ты туда же! – засмеялся Кир. – Ты тоже воспринимала все эти рассказы на уроках, как сказки-пугалки? Ох, дети! Всё гораздо серьёзней, чем вы воспринимаете. Но не так всё страшно, как представляется!

Кир подмигнул и слегка потряс меня за плечо.

– Да, действительно, часть Тёмных тоже воплощается на Земле. Они так же получают свои практические уроки. И мы это поддерживаем.

– Да??? – я окончательно была обескуражена этой информацией. – Но зачем???

– Надя, не все Тёмные такое вселенское зло. Они – зло.

Но многие на пути познания добра. Как же мы можем этому препятствовать, скажи? Наоборот, мы будем только способствовать их стремлениям. Вот как с Серыми здесь. Они уже на этом этапе хотят качественных трансформаций. Мы отправляем в их поселения своих учителей, и ты сама видишь, каков у них прогресс! Но те Тёмные, которые проходят практику в жизненных воплощениях, хотят научиться добру без изменения своей природы. И, знаешь, я считаю, что они даже достойны уважения. Как ты думаешь, почему?

Я хлопала глазами, силясь включить мышление, чтобы проникнуть в суть сказанного Киrom.

– Подумай, – настаивал Кир.

Я вздохнула. Сконцентрировалась, пытаясь нейтрализовать шок от полученной информации, обдумывая каждую пришедшую мысль и вспоминая вчерашнюю встречу и разговор с Тёмным, ответила:

– Ну..., наверное, это потому, что, не имея в душе темноты, легко нести свет... Да? Но... нужно иметь достаточно силы... и воли, наверное, чтобы нести этот свет, преодолевая тьму внутри себя... Как-то так, да?

– Отлично! – воскликнул Кир и подскочил на своем облачке-кресле. – Надя, отлично! И ведь это действительно так... Хотя... возможно, это и бомба замедленного действия, как считают многие из нас... Но Высшие силы и Вселенная решили, что им нужно дать шанс. Нужно.

Мы еще долго разговаривали с Киrom. Информация, ко-

торию я узнала в этот день, была для меня неожиданной, многое меня удивило. Поэтому домой я отправилась под впечатлением от беседы.

Когда я вернулась домой, Леля на меня все-таки дулась. Но это, как обычно, продлилось недолго. Мы поболтали о том, о сём, но я старательно избегала ответов на некоторые Лелины вопросы относительно разговора с Киром.

И ночью я снова долго не могла уснуть. Не шёл из головы у меня этот Тёмный и разговор с Киром. Я пыталась встать на место Тёмного и понять, что же делалось в его душе. Как это? Чего это стоит – нести свет, преодолевая тьму? Это сколько нужно иметь сил, чтоб смочь загнать под контроль свою злость, свой гнев и одной рукой держать всё это на цепи, а другой рукой дарить другим добро?!

Я решила сходить после занятий к реке и посмотреть, ушел ли Тёмный. Мне было по-настоящему интересно знать, что он всё-таки решил. И почему сомневался...

На следующий день я просто не могла дожидаться окончания занятий. Отказавшись от традиционных теперь посиделок на поляне, я буквально вручила Лелю Алексу и направилась к реке. Леля опять была обижена и возмущена, но то, что она осталась вдвоем с Алексом (хотя бы и на время пути к поляне), немного её смягчило.

А я шла... И боялась.

Но я боялась не встречи с Тёмным.

Я поняла, что больше боюсь того, что его уже нет на том месте, где мы встретились, и я так и не узнаю, какое решение он принял.

Я шла и вглядывалась в горизонт, вглядывалась в берег реки, вглядывалась в окружение одинокого дерева. Но всё было чисто. И солнечно... Ни одного темного пятна в этот теплый и светлый день.

Я шла и уже почти не сомневалась, что он ушёл.

Да и правда, что ему здесь делать? Обойдет всю планету и вернётся к своим пиратам. Это его привычная среда. Привычный ему мир. Ведь если есть сомнения, то гораздо больше шансов, что ничего он не захочет менять...

А жаль...

Я попыталась прислушаться к себе. И поняла, что мне действительно было жаль. Но причина этого была мне пока

не ясна.

Я уже медленно и без всякой надежды приближалась к дереву, готовая в любую секунду развернуться и пойти обратно, как вдруг чуть не споткнулась о лежащего в высокой траве Тёмного. Закинув одну руку под голову и широко раскинув ноги, он лежал и, казалось, спал. От неожиданности всё внутри меня заколотилось и запульсировало. Но я остановилась и перевела дух. Выдохнула...

...и вдруг мои губы расплылись в улыбке...

Это было до того удивительно, что я в испуге прикрыла губы ладонью, словно пытаюсь скрыть эту спонтанную эмоцию.

Что это было? Я обрадовалась?!

Но улыбка и не собиралась исчезать. Она словно жила своей жизнью и легко перекочевала с губ внутрь меня. Наверное, если бы сейчас выключили свет, я бы светилась, словно маленькое солнце...

Да что ж это такое?

Я снова выдохнула и посмотрела на лежащего у меня под ногами Тёмного.

А он словно и не собирался просыпаться. Грудь его медленно поднималась и опускалась дыханием. Вторая рука мирно покоилась на груди. Пшеничные волосы мягко струились по траве. Лицо было расслабленным и... необыкновенным...

...И меня вдруг накрыло любопытство. Я ведь никогда

не была так близко к Тёмному!

Я тихонечко присела возле него на корточки и, пользуясь его беспомощностью, откровенно разглядывала эту незнакомую тёмную сущность. Он действительно был тёмн... как Космос. И, видимо, поэтому, так же притягателен... В него хотелось вглядываться и вглядываться! И чем дольше смотришь, тем больше видишь... Видишь, что это не сплошная тьма... Там, в его глубине сверкают и переливаются миллиарды звезд...

Кто ты?

Что у тебя внутри?

Каким же ты можешь быть на самом деле?

Мне казалось, что он в себе, в своём тёмном Космосе, скрывает массу тайн и загадок... И мне вдруг ужасно захотелось их разгадать... Все до единой!

А ещё мне захотелось дотронуться до него.

И, совсем осмелев от своего любопытства, я медленно и осторожно потянулась к его руке, лежащей на груди, и провела по ней кончиками своих пальцев.

Между этим прикосновением будто пробежал маленький колкий разряд. Он пробежал по моим пальцам, по руке и проник прямо в то самое маленькое солнце внутри меня, от чего стало невероятно жарко и даже перехватило дыхание...

Я зажмурилась...

Это были какие-то невероятные и незнакомые ощущения.

Я медленно открыла глаза, словно боясь спугнуть это чувство, посмотрела на свои пальцы, на его руку, на грудь, всё так же медленно поднимающуюся и опускающуюся... Мой взгляд заскользил по его шее, подбородку, скользнул по мягким, расслабленным губам... снова по губам... пробежал по волосам, по...

...Его тёмные, бездонные глаза смотрели на меня...

...А в них будто отражалась вся Вселенная со всеми звёздами и галактиками!..

От неожиданности я вскрикнула и откинулась в траву. Острый пенёк сухой травинки больно кольнул ладонь, но я даже не почувствовала.

Он сел. И улыбаясь смотрел на меня.

Я инстинктивно отползла подальше. Я испугалась. Но это было, скорее, от неожиданности и... неловкости... Я застыдилась того, что он увидел, как я его разглядывала.

– Так ты больше не боишься меня? – тихо спросил он.

Я немного нахмурилась.

– Так тебя всё-таки нужно бояться? – вопросом на вопрос ответила я.

Он рассмеялся негромко и мелодично, слегка закинув голову, будто вслушивался в издаваемые звуки, а потом закрыл глаза. Ветер подхватил его волосы и разметал по плечам.

– Не нужно...

Он посмотрел в мои глаза и мне показалось, будто его тёмный Космос, заключённый в его глазах, по капле перетекает

в меня. Странное чувство. Я моргнула.

– Хорошо. Не буду...

– Я – Тор, а ты?

– А я – Надя... Почему ты всё ещё здесь? Всё ещё сомневаешься?

Он сорвал травинку и стебелёк сунул в рот. Покачал головой. В его глазах блеснули искорки.

– Нет. Не сомневаюсь. Просто решил подождать, вдруг ты снова придешь...

– А зачем тебе я? – вырвалось у меня.

Он смутился и дёрнул плечом, не глядя на меня.

– Не знаю... Просто в тот раз я накричал на тебя... а потом пожалел, что не сдержался. Наверное, ждал, чтоб... извиниться. Вот... Извини...

В конце фразы он совсем невнятно пробурчал все слова. Но я поняла.

Мы постепенно разговорились. Скованность, которая была у обоих, немного ослабла. Он даже прилёг на траву, опираясь на согнутый локоть одной руки, но по-прежнему нервно теребил травинки. Ну а я... В голове нет-нет, да и стучала мысль о том, что я совсем не дружу с разумом, что мне бы бежать отсюда надо быстрее и дальше, чем вижу. И сию же минуту! Но...

Я сидела напротив него, обхватив колени руками, и никуда не хотела бежать. Он рассказывал о себе, о Мире, в котором он жил до своего бегства. А меня интересовал один во-

прос, который я боялась задать, но всё же решилась.

– Скажи, почему вам необходимо поглощать другую энергию?

– Просто мы не знаем других способов восполнять недостаток своей энергии и познавать мир, – с готовностью, но в то же время и с некоторой горечью в голосе ответил Тор. – Например, мы не умеем радоваться. Как узнать, что такое радость? Надо сделать так, чтобы это оказалось внутри тебя. Сразу решаешь две своих задачи: восполняешься и изучаешь. Многие, поглотив разного рода энергии, пытаются их аккумулировать и приобретают способности, присущие этим энергиям. Например, Энергия Счастья. И у кого-то даже получается стать счастливым. Но, к сожалению, не у всех есть желание проводить такую по-настоящему колоссальную работу. И они становятся пиратами... Пираты – это просто своего рода наркоманы...

Он замолчал и опустил голову.

– Но, знаешь, мне иногда кажется, что по сути мы, Тёмные, все наркоманы... А я не хочу... Я не хочу быть таким. Я уверен, что есть другие способы.

– Я тоже думаю, что есть, – попыталась поддержать его я.

Он вскинул голову и посмотрел на меня.

– Знаешь, а я ведь сегодня впервые засмеялся! Хотя, я толком не понял механизм того, что именно запустило процесс этой эмоции. Но, я думаю, что когда ты уйдешь, я попытаюсь проанализировать это...

– Что? Зачем? – рассмеялась я. Мне действительно стало смешно. – Не нужно этого делать! Начнешь анализировать – сразу вся радость пропадет, и станешь занудой!

И я еще больше рассмеялась, глядя на озадаченное лицо Тора.

– Занудой? Правда?

– Занудой и заучкой!!! Тор, улыбнись, не смеши меня! Не могу на тебя смотреть!

Я повалилась от смеха на бок. Тор улыбнулся и кинул в меня пучком сорванной травы.

– Я что, тоже выглядел так же нелепо и по-дурацки, когда смеялся? – с хитрой ухмылкой спросил он.

От этой его фразы я ещё больше закатилась.

Если и сидел во мне какой-то страх и напряжение, если и было недоверие к этому опасному по сути чужаку, то сейчас меня окончательно отпустило.

Я смеялась громко и заливисто. От чего в конце концов, заразившись, и Тор стал смеяться. Всё громче и проще. Не прислушиваясь и ничего не анализируя. Легко и свободно. Я нашарила в траве один из упавших плодов дерева, которые были разбросаны то тут, то там, и запустила им в Тора. И тут же вскочила, и помчалась прочь, дабы не быть настигнутой «снарядом», который так же кинулся искать в траве Тор. Так мы и бегали вокруг дерева, обкидываясь его плодами, гогоча и дурачась, словно старые приятели. Словно никогда и не были противоположными энергиями. Словно ни-

кому из нас ничего не нужно было бояться.

А устав, запыхавшиеся, мы повалились в траву под его могучей кроной плечом к плечу, уже буквально икая от смеха.

Голова Тора касалась моей головы.

Наши волосы переплелись.

Мы дышали одновременно, будто это было одно дыхание.

Тор осторожно, будто изучая, взял меня за руку. Его рука была большой и горячей, и мне показалось, что моя маленькая ладошка просто утонула и потерялась в ней.

Тело пульсировало, и пульс отдавался в ладонях. Он был одновременным.

Будто работал один механизм.

На двоих.

– Я не буду анализировать... – всё ещё тяжело дыша, шепотом сказал Тор.

Я улыбнулась.

Тор ушел в ближайшее поселение Серых, но каждый день мы стали встречаться у дерева.

Я проводила для него свои маленькие Уроки Счастья.

Я научила его плавать в тёплых потоках Реки. Это был, конечно, смех, как Тор пытался удержаться на воде! Но он быстро учился. Он научился расслабляться в воде и доверять ей. И для него стало настоящим открытием, что как только он перестал бояться Реки, её вода с готовностью стала отвечать ему и легко держала на своих ладонях его большое и сильное тело. Мы часто дурачились, просто обливаясь и окатывая друг друга брызгами. Потом сушились на берегу, а Тор пытался слизать капли воды с моего плеча. Мне было щекотно, и я шлёпала его по мокрой макушке. Тор отмечал для себя, что это бывает здорово – вот так ни о чём не думать и поддаться хорошим эмоциям. Просто позволить им быть.

Я научила его ловить бабочек и кузнечиков в траве. Принеся из дома два сачка, один вручила Тору и показала, как нужно ждать и набрасывать. А потом отпускать. Когда у него долго не получалось из-за неусидчивости, и насекомые радостно разлетались в разные стороны, Тор забавно злился и психовал, закидывая сачок далеко в траву. Потом, успокоившись, шел искать и начинал все заново. В конечном итоге, когда у него начало получаться, мы подолгу валялись в траве

и рассматривали насекомых, притаившихся под сеткой сачка. Тор удивлялся и восхищался тем, насколько красивыми и ловкими могут быть такие козявки-крохотули!

Но и сама я так же училась у него. Глядя на то, как Тор тщательно разыскивает в своей тёмной душе маленькие искорки лучших качеств Света, усердно обволакивает их полученными знаниями, усиливает их и любовно взращивает, на то, скольких усилий ему это стоит и как он старается, я очень заужала его. И поняла, что нет ничего непреодолимого. Есть только желание. И если ты действительно чего-то желаешь всей душой, то у тебя обязательно всё получится.

Этот Тёмный каждый день раскрывался для меня с разных сторон. Я видела, как отрицательные качества могут послужить положительным. Например, злость хорошо помогает упорству, и упрямство помогает достижению цели. Я начинала понимать, что не всё плохое действительно плохое. Его просто нужно направить в правильное русло, и оно обязательно обернётся добром. Мне казалось, что я начинаю лучше понимать тёмный мир. А ещё я стала лучше видеть то, что, возможно, мы все в своей сути похожи. И Светлые, и Тёмные. Ведь и мы, Светлые, тоже умеем злиться, упрямиться. В нас так же присутствуют качества, присущие Тёмному миру. Просто мы знаем, как применить их созидательно и полезно. Это как вода: если она бежит в русле, то это тихая и спокойная речка. Но если русла нет, то вода затопит всё вокруг, бесконтрольно и губительно.

Я изучала его, я прокручивала перед сном его слова и поступки. И я видела его реальный прогресс. И я... Я радовалась! За него, за себя. За наши маленькие победы в наших маленьких мирах. За наши приобретения...

И за наше обретение друг друга.

В этот раз я учила его залезать на дерево без всяких посторонних приспособлений. Вначале Тору это совсем не понравилось. Как не понравились и эксперименты с Рекой. Ведь в его мире не было ни рек, ни растений в таком количестве, как у нас. Я довольно шустро влезла на несколько нижних ветвей, а вот у него совсем не получалось. Пару раз он, чертыхаясь, падал в траву и уже собирался плюнуть на это дело. Но я заставила подняться снова.

И ему наконец-то удалось!

Я тянула его всё выше и выше. И мы влезли на самый верх дерева. Да, да! На самую его верхушку, которая качалась под ветром, как корабль на волнах.

Глаза у Тора, казалось, вот-вот вылезут из орбит!

Он сказал, что ему страшно... Но в то же время, чувствовалось, что ему это безумно нравится! Я же часто сюда залезала. И я просто показывала ему СВОЙ мир, который я любила и в котором я была счастлива.

– Вставай рядом, – сказала я Тору, перекрикивая шум листвы. – Держись крепче! А теперь закрой глаза! И представь, будто мы плывем на лодке под парусом!

– Знать бы ещё, что такое лодка и что такое парус, –

негромко сказал Тор.

– Ох! – я стукнула себя ладонью по лбу. – Точно! Прости, я забыла. Я тебе потом расскажу об этом. А сейчас представь, будто ты стоя плывёшь по Реке.

Тор засмеялся, и я согласилась, что выглядит это немного глупо.

Но мы закрыли глаза и каждый представил себе свою картинку. Ветер обдувал наши лица, солнце ласково грело щёки и макушки. Я тайком приоткрыла один глаз и посмотрела на Тора. Тот стоял зажмурившись, но улыбался. Я мысленно поставила себе галочку, что урок пройден.

Когда мы уже оказались внизу среди травы, Тор перевёл дыхание, глубоко вздохнул и расслабился.

– Ужас... – выдохнул он и засмеялся. – Я б никогда не подумал, что мне будет страшно!

– Да брось!

– Правда... Это страшнее, чем вода. Знаешь, и еще... там, на вершине, я кое-что решил...

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

– У Серых – ерунда всё... я не хочу быть Серым...

Я насторожилась.

– А кем ты хочешь быть? – осторожно спросила я.

Тор положил свои ладони мне на плечи. Мягко, но уверенно.

– Собой... с тобой.

– Что ты имеешь ввиду?

– Я хочу быть с тобой. Мне нравится то, какой я с тобой! Мне не нравится у Серых. Это ни то и ни сё... Ты нигде... Ты – никто. Там я словно теряю себя. А с тобой я снова становлюсь тем, кто я есть! Да, я – Тёмный! Но с тобой моя тёмная энергия будто трансформируется в совершенно новое качество, в новые эмоции и в новые чувства! Ты понимаешь?

Я не понимала.

– Ты хочешь быть... Светлым? – неуверенно спросила я. Тор смешался.

– Ну... нет..., наверное, нет. Я просто хочу быть с тобой. Он опустил руки и как-то сник. Он не мог найти слов, чтобы правильно объяснить мне то, что ему хочется сказать, и то, что он чувствует.

– Просто, когда ты уходишь, мне становится грустно и тоскливо. И как-то пусто... А когда ты приходишь, то словно приносишь с собой кучу жизни и света. Наверное, это и значит быть Светлым, да?.. Да, наверное, хорошо быть Светлым.

Я улыбнулась.

– Не знаю... – ответила я и покачала головой. – Когда я ухожу, а ты остаёшься, то будто весь мой свет и моя жизнь остается рядом с тобой. А когда просыпаюсь утром, то я с нетерпением жду, когда же закончатся занятия и я прибегу к тебе, чтобы вернуть себе свой свет и свою жизнь... Наверное, это и значит – быть Тёмным?

Тор улыбнулся и так же покачал головой.

– Не знаю...

Он осторожно, будто чего-то боясь, притянул меня к себе и обнял, а я, так же осторожно, спряталась у него на груди. Мы стояли, обнявшись, под деревом и прислушивались к тому, что происходит у нас внутри. И было такое чувство, будто энергии наши перемешались. Тёмная перетекала в меня, светлая перетекала в него, и все повторялось снова и снова.

Он уткнулся носом в мои волосы, а я в его шею и не хотелось расставаться совсем и никогда...

Леля на меня уже смертельно обижалась. Она всё ждала, когда же я ей расскажу, куда это я каждый день исчезаю после занятий и почему отказываюсь брать её с собой. Но я не могла рассказать. Я не знала, как она отреагирует... Хотя нет... Я знала. Но я также знала и то, что рассказать рано или поздно все-таки придется.

Тор спрашивал меня, может ли он пойти к Перуну, поговорить. Сейчас он, вроде как, считается Серым. По идее, проблем с тем, чтобы попасть на прием к нашему Верховному Богу быть не должно, но...

Я боялась...

Нет, я боялась не того, что Тор может оказаться не тем, за кого себя выдаёт и у нас будут большие проблемы. Я видела душу Тора. Я ему верила. Но остальные видели в нём Тёмного. И только... Я совсем не была уверена в положительной реакции на него всех вокруг. Я боялась за него. А Тор был настроен решительно, потому что близился день, когда я должна буду отправиться на Землю. Без него. И я... Я не знала, как мне быть...

С каждым днём наши с Тором встречи, разговоры и уроки были более насыщенными и яркими. Мне хотелось как можно больше рассказать ему о Свете, как можно более полно раскрыть ему мир Добра и Счастья. А Тор, в свою очередь,

как губка пытался впитать всё, что я ему несла с собой. Мы будто боялись не успеть... И с каждым днем наши расставания были всё сложнее. Мы каждый день словно виделись в последний раз. Мне казалось, что наши энергии настолько перемешались, что уже было не разобрать, где он, а где я. Расставаться было странно и... больно.

Мне нужна была помощь.

И я решила, что к Перуну пойду сама.

А Леля ходила и демонстративно дулась. Уважая мои границы и мои решения, она не решалась надоедать мне распросами, но побороть свои эмоции была не в силах. И мне было её жаль. Если обо всём она узнает не от меня, то обида её будет вселенских масштабов. А мне не хотелось её обижать. Поэтому перед сном я затащила её на своё спальное облачко, как мы обычно делали, когда делились какими-то секретами.

Леля расцвела. Наконец-то она дождалась, когда я соглашусь посвятить её в свои тайны. Я аж захихикала, глядя на её довольное лицо.

– Так, – сказала я ей, когда мы устроились друг напротив друга. – Хочу тебе кое-что рассказать.

Леля радостно заелозила, устраиваясь поудобней.

– Только мне бы хотелось поставить одно условие! – предостерегающе сказала я, погрозив указательным пальцем. – Ты будешь мне доверять.

– Хм! – возмущенно сдвинула бровки Леля. – А когда это

я тебе не доверяла? Я всегда за тебя!

– Ну хорошо... Слушай...

Я остановилась. Перевела дыхание, словно всё ещё сомневаясь, что хочу раскрывать свои секреты... И выдохнула:

– Я тут кое-кого встретила...

Леля кивнула, всем своим видом показывая, что готова слушать дальше, и то, что она услышала – совсем не интересно.

– И это Тёмный...

Глаза Лели медленно округлились, став огромными.

– Да ну-у-у??? – ахнула она и захлопала глазами.

Потом на её лице сменилась целая гамма эмоций, будто она в ускоренном темпе просмотрела все картинки, рождённые в её голове. И она выпалила без остановки:

– Ты сказала охране?.. Он тебе ничего не сделал?! Они его поймали?.. Ты поэтому куда-то исчезала каждый день? А где ты была вообще?! И ты что там делала?.. И вообще, что ты так ДОЛГО там делала?! Каждый день!!!

По мере поступления вопросов выражение её лица менялось в зависимости от эмоций и застыло в недоумевающем изумлении.

– Нет, никто его не ловил, – ответила я. – Мы подружились...

Повисло молчание. Леля непонимающе смотрела на меня застывшим взглядом.

– То есть?..

– То и есть... – вздохнула я.

Леля отвела от меня взгляд, будто попыталась заглянуть внутрь себя и понять, что ей нужно сейчас испытать, и правильно ли она всё услышала и поняла. Замотала головой и снова вопросительно уставилась на меня.

– Он не плохой и не сделал мне ничего плохого, – уверяла её я. – Он ушёл жить к Серым.

– А! – словно что-то начиная понимать, воскликнула Леля. – Так значит ты подружилась с Серым?

– Нет. Он Тёмный. И остаётся Тёмным. Просто он учится излучать Свет.

Леля, не мигая, смотрела на меня, молчала. И мне вдруг показалось, что в её взгляде я вижу, как медленно-медленно между нами опускается прозрачная, но прочная стена...

– Так не может быть... – наконец тихо, но категорично произнесла она. – Тьма не может излучать Свет.

– Согласна, – кивнула я, – но я не об этом. Я о том, что он учится генерировать Свет внутри своей Тьмы. И у него это получается...

– Так не может быть! – воскликнула Леля, перебив меня. – Надя! Что с тобой? Ты о чём, вообще, говоришь?? Ты во что вляпалась???

С каждым вопросом голос Лели всё повышался, и казалось, что глаза её сейчас заполнят всё лицо. Откуда-то из глубин её души выползал сизый туман страха, и его уже было видно сквозь окна Лелиных глаз. Я вдруг почувствовала, что

что-то произошло внутри неё. Что-то странное и непонятное развернуло свои ледяные щупальца и запустило их во всё, до чего смогло дотянуться внутри Лели. Оно красочно и реалистично, со всеми деталями и во всех подробностях рисовало в её сознании картины будущих ужасных бед и мучений.

– Да всё хорошо, Леля! Ты что так раскричалась?

– Хорошо??? Надя, он – Тёмный!!! Это Зло! Они никого не щадят! Ты что себе думаешь? Ты в опасности!!! И мы все в опасности!

– Леля, нет! Не паникуй ты так! – строго сказала ей я. – Ты ничего не знаешь. Никого не щадят Тёмные пираты. Но Тёмные не все такие!

– Они ВСЕ такие!!!

Леля, казалось, совсем меня не слышит.

– Я должна всем рассказать... – понизив голос и растерянно глядя на меня, сказала вдруг Леля. – Я не могу тебя потерять. И мы не можем подвергать опасности всех!

Леля смотрела на меня, но будто не видела. Она видела только то, что нарисовало ей её воображение, поддавшись страху.

– Леля, я же просила тебя доверять мне.

– Но как тебе доверять, если ты не в себе! Что он с тобой сделал?!

– Ничего, Леля! Ровным счётом ничего! Пожалуйста, поверь мне! Ведь ты же меня знаешь, ты же видишь меня! Оч-

нись!

Я встряхнула Лелю за плечи.

– Очнись, пожалуйста! Он – не плохой! То, что он Тёмный, еще не значит, что он абсолютное Зло и абсолютная Тьма. Леля, послушай меня. Я тебе сейчас всё объясню. Ты готова меня слушать?

– Нет, – нервно отрезала Леля. Её будто от холода пробивала дрожь.

Я сникла.

– Всё бесполезно?..

Леля учащённо задышала, будто готовясь заплакать, но, моргнув и сделав глубокий вдох, ответила:

– Нет...

Я обхватила её голову обеими руками и провела ими по её волосам. Я заглянула ей в глаза и попыталась проникнуть глубоко в её сознание, скованное ледяным ужасом.

– Леля, скажи мне, что такое Зло и Тьма? Это можно потрогать, увидеть? Что это по-твоему? Как ты думаешь?

Леля моргнула ещё раз, и глаза её наполнились грустью.

– Это боль, – тихо, почти шепотом сказала Леля, – это... бесконечная пустота и холод. Надя, давай расскажем, пусть его поймают!

Я покачала головой.

– Ты правильно сказала, это – пустота... А теперь пойми, что в эту пустоту можно вложить и Свет, и Тепло, и Добро, и Любовь! И всё лучшее, что есть во Вселенной!

– Поэтому они и пожирают всё, ненасытные твари...

– Но ведь не все, Леля! Среди них есть много таких, которые ищут экологичные, соответствующие законам Вселенной, способы наполнения! Тор один из таких. Ты же в курсе, что Тёмные также проходят практики перерождения на Земле!

– Да. – буркнула Леля, немного оттаяв. – Кир после вашего разговора целых два дня посвятил этим... Тёмным...

Я обняла её за плечи и прижала к себе.

– Леля, – сказала я в её макушку. – Пожалуйста, верь мне. Со мной не случится ничего плохого.

Леля вздохнула.

– Хорошо...

Потом она отстранилась и, заглянув мне в глаза, сказала:

– Только знай, что я всё равно начеку! Я никому не дам тебя в обиду!

Я засмеялась и снова прижала её к себе.

Близился день переселения. А мне даже и не верилось, что совсем недавно я с нетерпением ждала этого момента. Сейчас грусть выворачивала меня буквально наизнанку от мысли о скором расставании с Тором. И я решила, что пора...

Никому ничего не сказав, я отправилась ко дворцу Верховных Богов, к Перуну, нашему Богу Куратору.

Огромный дворец в виде белого яйца со светящейся макушкой висел в воздухе посреди бескрайнего разноцветного поля. Вокруг его вершины гуляли стада пушистых, словно ватные кучи, облаков, а у подножия толпилось множество сфер и коконов различных размеров. Вход располагался в дне этого яйца, и подняться нужно было на платформе-облачке, предварительно пообщавшись с администратором. Я заглянула в небольшой кокон, висящий возле облачка.

– Привет, Надя! – улыбнулась мне администратор.

– Привет, – сказала ей я, – могу я попасть к Перуну? Мне очень нужна его помощь...

– Конечно, – сказала администратор. – Входи на платформу, я подниму тебя к нему. Пока будешь подниматься, я ему сообщу.

Я плавно и медленно поднималась к самой вершине «яйца», минуя множество этажей. Туда-сюда по этажам передвигались серьёзные, погруженные в свои дела Души, работа-

ющие во Дворце. Кто-то, завидя меня, моментом отбрасывал свою деловитость, махал мне рукой и улыбался. Я махала и улыбалась в ответ.

Наконец, облачко остановилось на верхнем этаже. Я оказалась в огромном куполообразном зале. Этот купол был полностью прозрачным и, казалось, будто через него видна вся Вселенная. В зале было много облачков-сидений разных размеров. Они сгруппировались в одной из частей зала вокруг невероятно большого полупрозрачного белёсого шара, наполненного миллиардами маленьких светящихся сфер.

Я была здесь одна. Я выбрала себе облачко средних размеров и уселась на него. В ожидании Перуна я стала передвигаться на своём сидении по залу и вокруг шара, раздвигая и расталкивая другие облачка. Я то разгонялась, то притормаживала, совершая опасные маневры по всему залу. Потихоньку рычала и повизгивала себе под нос и комментировала действия, воображая, будто я на соревнованиях по гонкам на скоростных облачках. Я так увлеклась, что не заметила того, что Верховный Бог давно пришел, потихоньку устроился в своём кресле-облаке и, наблюдая за мной, смеялся в свою пышную бороду. Увидев его, я жутко стушевалась, вскочила со своего сиденья и поздоровалась.

Перун уже крупно трясся от приглушённого смеха, жестом показал мне сесть и «подъехать» ближе. Я заулыбалась, и разогнавшись, подрулила на облаке к нему.

– Здравствуй, душа моя! – немного успокоив свой смех,

сказал мне Перун. – Ооой, давно я так не смеялся! Порадовала ты меня, Наденька! Я уже привык к тому, что здесь собираются одни серьёзные и деловые Души... А Верховные Боги так и подавно все как один сама строгость! Ооох... Надо предложить им устроить гонки!

И он снова мелко затрясся в тихом смехе, видимо представляя всех Верховных Богов верхом на облачках, обгоняющих друг друга. Смахнув наворачнувшиеся слёзы, Перун снова успокоился и обратился ко мне.

– Но ты ведь ко мне не за тем пришла, чтоб покататься на облаке, правда?

Я кивнула. Но молчала. Я то вздыхала, то открывала рот, то снова его закрывала...

– Что-то я даже не знаю, как начать... – наконец произнесла я.

– Хорошо, – сказал Перун, улыбаясь. – Я знаю, с чем ты ко мне пришла.

Я облегчённо выдохнула. Ну конечно, он всё знает, он же Верховный Бог...

– Был у меня твой Тёмный...

У меня отвисла челюсть от неожиданности.

– Как был?

Перун, улыбаясь в свои пышные усы, смотрел на меня, и в глазах его светились лукавые искорки.

– А... как он сюда прошёл? Как его пропустили? И никто не задержал?.. Впрочем, не важно...

Я махнула рукой. Это были глупые и совершенно не нужные вопросы. Я на самом деле удивилась тому, что Тор не побоялся, не пустил всё на самотёк и пришёл сюда... А зачем он сюда приходил?

– А вы мне оч-чень нравитесь! – сказал Перун, сделав акцент на слове «очень». – Оба! Несмотря на то, что вы две противоположности, вы смогли найти друг в друге то, что важно для вас обоих, для вашего совместного прогресса. Вы мне нравитесь. Вы не побоялись. А не бояться тьмы внутри себя и не бояться тьмы внутри другого – это уже достойный прорыв и достижение для молодой души.

Я придвинулась на своём облачке ближе к Перуну.

– А скажи, – тихо, будто боясь, что меня может кто-то услышать, я спросила: – Мне всё не даёт покоя эта мысль... Зачем Вселенная создала и хорошее, и плохое? Зачем она создала Тёмных? Для чего?

Перун шумно вздохнул.

– Душа моя, Наденька, Вселенная не создавала Тёмных. Видишь ли, изначально всем первым Душам был дан одинаковый импульс, равное количество первичной энергии. Всем был дан равный старт и равные условия. Но часть Душ активно начала развиваться и прогрессировать, а часть развивалась очень медленно и неохотно. Когда все идут вперёд, а ты ленишься и стоишь на месте, что происходит?

– Я остаюсь далеко позади всех...

– Верно, Надя. Вот так и произошло с некоторыми первы-

ми Душами. Поэтому сейчас Тёмные пытаются скачками нагнать всех остальных, перепрыгивают через ступеньки, идут по головам, не зная, как сделать всё правильно... В итоге у них раскол, проблемы между собой, с другими Душами и энергиями во Вселенной. Тем из них, кто ищет правильные пути развития, теперь приходится прилагать немалые усилия, чтоб развиваться гармонично. Но я рад, что они всё же есть! Есть такие Души! И Вселенная радуется...

Перун улыбался, и казалось, что в зале от этого становилось гораздо светлее.

– А зачем приходил Тор? – спросила я.

В глазах у Перуна снова засверкали добрые лукавые искорки.

– Он приходил просить, чтобы его отпустили вместе с тобой на Землю. Он рассказал обо всём, что ты с ним и для него сделала. Он сказал, что все преподаватели вместе взятые, которые приходят в поселения Серых, не стоят тебя одной.

– Да? – я засмушалась и опустила глаза.

– Он хочет стать частью твоего Рода.

Эта новость меня удивила, я снова вскинула глаза на Перуна и спросила:

– А это разве возможно?

– Возможно.

– Серьёзно?! – я была поражена и не могла поверить. – Как?

– Я дам распоряжение вашим Старейшинам. Его возьмут под строгий контроль, каждый его поступок будет тщательно разбираться и анализироваться. Ему будет не просто. И если Старейшины вашего Рода решат, что он действительно достоин быть в вашем Роду, то так и будет...

Перун внимательно смотрел на меня.

– Он согласен, – сказал Перун. – И он молодец, этот Тёмный... Он сказал мне, что с тобой он понял одну важную вещь: чтобы стать счастливым – нужно сделать кого-то счастливым, чтобы радоваться жизни – нужно самому нести радость, и чтобы много получить – нужно отдать. Не каждая светлая Душа способна сразу осознать этот простой принцип. Надо дать ему шанс, помочь ему в его развитии. Если хотя бы одна Тёмная душа действительно прониклась этой идеей, то это уже большая победа для всей Вселенной.

Губы мои невольно расплылись в улыбке. Я не смогла её сдержать. Да, наверное, даже если б и смогла, она бы всё равно светилась сквозь меня тем самым маленьким солнцем.

Я ещё долго не могла избавиться от счастливого выражения лица, и дома Леля буквально замучила меня вопросами. Но я не стала ей рассказывать о своём визите во Дворец.

Уже под вечер мы сидели с ней под деревьями возле нашего дома, Леля беззаботно щебетала о новостях прошедшего дня, о посиделках на поляне, о разговорах про переселение. Я слушала её в пол-уха, а у самой не выходил из головы Тор. Я в задумчивости водила веточкой дерева по песчаным про-

плешинам среди редкой травки, бессознательно вырисовывая образ Тора. Как только я видела, что он проявлялся, я тут же быстро перечёркивала рисунок, боясь, что кто-то может это увидеть. Но, задумавшись и окунаясь в свои видения, выводила всё вновь. Закрывала глаза и видела его лицо, открывала и снова спешно перечёркивала рисунок, проявленный моим воображением. Мои мысли в голове водили дружный хоровод, опьянённые странным счастьем, и нашептывали мне то, чего бы я никогда не решилась произнести...

*Я закрою глаза.... И в придуманном мире
я возьму со стола свои старые кисти...
Как осенние листья
Закружатся в эфире
разноцветные мысли ненаписанных истин*

Эти самые мысли были совершенно в другом месте. Далеко от Лели и её рассказов. Даже находясь в моей голове, они были далеко от меня и словно жили своей жизнью и творили свою собственную реальность...

*Краски лягут на лист. Алой каплей улыбка
и румянец весны на щеках декабря...
Я рисую тебя. Все вокруг станет зыбким...
Правда только одна: я рисую тебя*

Мысли мои носились по берегу реки, лазали по деревьям

и валялись в сочной шелковой траве... И всё это рядом с Тором. И только рядом с ним...

*Я рисую глаза, цвета раннего лета.
И лихою стрелой твой пронзительный взгляд
все подряд,
без разбора, раскроет секреты:
я пропала, и мне нет дороги назад.*

Я блуждала в своих мыслях. Я потерялась в своих чувствах. И не было совершенно никакого желания возвращаться к реальности или одуматься, потому что...

*Я рисую тебя. Волос цвета пшеницы...
Утонут мои пальцы в твоих волосах.
Вся в слезах,
улыбаюсь, гляжу сквозь ресницы...
Все смешалось в палитре: и счастье, и страх...*

И мне нравилось это состояние! Мне нравилось то, что происходило в моей голове, когда я видела Тора, думала о нем, вспоминала наши разговоры.

*Я закрою глаза... Будет сладко и больно.
И накроет меня сумасшедшей волной
с головой...
Так, запреты, нарушив невольно,
я рисую тебя, чтоб ты был только мой.*

*И в безумьи цветном моё счастье танцует...
И ковром под ногами лежит белый лист...
Этот лист,
на котором тебя я рисую,
будет так же... по-прежнему... девственно чист...*

Это моё. И он мне нужен. Я так решила.

Леля была в шоке, когда для погрузки в Капсулу Перемещения прибыл Тёмный в сопровождении двух охранников. Она в недоумении уставилась на меня.

– Это ОН?

– Он, – ответила я.

– А что он здесь делает? – она внутренне напряглась.

– Он будет проходить практику перерождения на Земле. Вместе с нами.

Леля переменилась в лице. Опять её сознание заметно затуманилось страхом. Она сделала шаг назад.

– Я не полечу, – сказала она твердо, будто приняла решение.

– Лель, не глупи, – мягко сказала ей я. – Всё хорошо. Всё обсуждилось и обдумалось нашими Старейшинами. Тор не опасен. И он сам был у Перуна! Он разговаривал с ним. Представляешь? И Перун решил, что Тор должен попробовать пройти этот путь. Перун в него поверил. И если уж сам Верховный Бог поверил в то, что Темная Душа способна на такой качественный прогресс, то как мы можем не доверять Богу?!

Леля стояла нахмурившись, и я чувствовала, какая психологическая борьба идет сейчас внутри неё. Леля сделала глубокий выдох, словно мысленно взяла себя в руки и под-

жала губы. И всё же помолчав, она сказала:

– Я надеюсь, что ТЫ хорошо подумала обо всём...

Я обняла её. Я чувствовала, как ей тяжело даются эти принятия, и была благодарна ей за то, что она это делает ради меня.

– Я люблю тебя, моя маленькая, – сказала ей я.

– И я тебя. Очень, – ответила она. – И вот поэтому я никому не дам тебя в обиду.

Подошла группа наших товарищей. Когда они увидели, что среди переселенцев есть Тёмный, они очень заволновались и тревожно загудели. Пришедшие учителя объяснили всё и успокоили их, но даже несмотря на это, напряжение не пропало. Ребята с опаской оглядывались на него и держались подальше.

Я видела, что Тор чувствует себя неуютно. Несколько раз я подходила к нему, чтобы подбодрить и успокоить.

Мы с Лелей стояли в сторонке. Неожиданно от ребят отделился Алекс и подошёл к нам.

– Надя, – обратился он ко мне. – В чём дело? Почему ты подходишь к нему? Ты его знаешь?

Мне совсем не понравилось то, как со мной разговаривает Алекс. Мне совсем не понятна была его претензия и мне совсем не понятно было выражение его лица.

– Он мой друг, – честно ответила я.

– Друг?! – воскликнул Алекс и в глазах его вспыхнул...

Нет! Не страх и не волнение. И вовсе не переживание

за меня. В них вспыхнула ревность. Самая откровенная ревность. И меня это резануло. Словно он вероломно посягнул на мои границы.

– Друг, – снова повторила я. – Тебя что-то смущает?

– Конечно! С каких это пор ты водишь дружбу с Тёмными? Он не должен здесь находиться!

– Алекс, – перебила его я. – Где ему находиться, решил Перун и Совет Старейшин. Или ты ставишь под сомнение решения Богов?

Алекс нахмурился. Он метнул в Тёмного полный ненависти взгляд и сказал:

– Если он собирается стать одним из нас, то у него ничего не выйдет.

– И это ты ему помешаешь? – спросила я и поразилась тому, насколько сильно и явно проявилось тёмное чувство в светлой Душе.

Алекс ничего не ответил. В глубине его глаз засветился странный огонёк, ноздри раздулись и губы сжались. Он круто развернулся и отошёл.

Он даже не попытался справиться с тем, что темным маслянистым пятном разлилось внутри него.

Капсула летела в открытом Космосе к далёкой галактике с красивым названием Млечный путь. Тёмный с охранниками держались обособленно ото всех переселенцев. И только я сидела рядом с ним на мерцающем полу, положив свою

голову на его плечо. Тор держал мою руку в своей большой и сильной ладони и иногда прикасался губами к моим волосам. Два наших мира были такими разными, но такими знакомыми. Это как чёрный Космос с миллиардами сверкающих галактик. В нём много света, несмотря на темноту. Тор не поглощал меня, но позволял мне быть в его Тьме и наполнять его всем лучшим, что у меня было, одновременно дополняя меня саму, придавая мне сил и уверенности в себе.

Мы не знали, что нас ждет в наших будущих жизнях. Но я была уверена, что он всегда вот так будет крепко держать меня за руку.

Глава II. Леля

1

К вечеру всё село гудело, как улей! На порогах и подоконниках каждого дома была разложена крапива и травы, отгоняющие злых духов. Матери и отцы обливали из деревянных ведер своих маленьких и верещащих от восторга детей речной водой. Те визжали и топали ногами по образовавшимся под ними лужицам и счастьем их не было предела. Считалось, что вода в это время обладает большой целительной и обережной силой.

Молодежь собиралась галдящими стайками и кочевала от дома к дому. Семьи собирали корзинки с едой и питьем и весёлыми, шумными толпами потихоньку стекались к берегу реки, где почти вплотную к воде подходил лес. Здесь, возле села, речка протекала спокойно и плавно, её берега были относительно ровными и пологими. Но уже дальше, вдоль леса, река становилась порожистой и сопровождалась крутыми обрывистыми берегами. Она становилась бурливой и своенравной, словно вдали от людей проявлялся её истинный характер.

Это был канун одного из самых загадочных и любимых всеми праздников – ночь на Ивана Купала. Всё село семьями

сходило на берег речки. Расстилали скатерти, расставляли еду и питьё, пели песни, купались, рассказывали разные истории. А когда опускались сумерки, жгли костры и собирали заговорённые травы.

Взошла огромная, будто специально для этой ночи увеличенная в несколько раз луна. Словно бы и она хотела принять участие в праздновании, но не могла, и поэтому приблизила своё одинокое око к Земле, чтобы получше всё рассмотреть.

Девушки и парни развели свой костёр, чуть подальше от взрослых и маленьких детей. Ведь у них свои разговоры и гадания. Не хотелось, чтоб родители наблюдали за ними, за их тайными переглядываниями и улыбками, предназначенными для избранников. Это ведь всего одна ночь для тайны и сказки, которые будоражили молодую кровь и смущали сознание своей смелостью.

Он ей очень нравился. Уже давно, ведь они с самого детства вместе. А его светлые чистые глаза отвечали ей, что её тайные чувства взаимны. Но она никогда не позволяла себе проявлять их, будто сомневалась в чём-то, будто каждый раз проверяла, так ли думает голова, как чувствует сердце. Но в эту ночь можно смело оставить голову дома и послушать голос сердца. И оно радостно колотилось в груди, будто наконец почувствовало свободу от оков разума. Оно пело вместе с девушками-подружками, оно сладко сжималось, когда он оказывался рядом, а когда он касался её руки, то оно начинало быстро-быстро биться где-то у самого горла.

Ей хотелось запустить свои ладони в его кудрявые шелковистые волосы. А его лёгкая улыбка так и звала прикоснуться своими губами к его мягким и горячим губам.

Но всё это потом, потом. Она старательно прятала всё это от себя, будто единственную сладкую конфету до лучшего момента, который ещё не настал.

Молодёжь пела песни, смеялась, шумно перекликалась. По кругу передавали огромный ковш с целебным отваром из трав и каждый делал глоток этого сладкого с горчинкой питья. Плеснули немного в огонь, чтобы задобрить Богов, и Боги ответили вспыхнувшими искрами, будто благословили честную компанию, вызвав всеобщее ликование собравшихся возле костра.

– Айда купаться! – крикнул кто-то, и все с радостными возгласами повскакивали со своих мест.

Полетела в стороны одежда, оставляя тела прикрытыми только сорочками из лёгкой тонкой материи.

Визг, шум и радостные крики наполнили воды реки и разнеслись эхом в ночном воздухе по округе. Вода, теплая, будто парное молоко, нежно принимала в себя разгорячённые дневным солнцем и вечерним огнём тела. Брызги с искорками отраженной в них луны взмывали вверх и затем блеснули на щеках и волосах яркими звёздочками, пока не перемешивались с миллионами других капель. Пьянящий восторг накрыл молодую компанию своим тончайшим пологом.

Сорочка прилипла к телу и стала совсем прозрачной

и не ощутимой, не скрывая ничего под собой. Кто-то поймал её тело в свои руки и прижал к себе. Она взвизгнула и обернулась. Его волосы мокрыми кудрями спадали на лоб, но не скрывали горящих глаз, а пунцовые губы были совсем-совсем близко. Она со смехом хлопнула его по голым мокрым плечам и оттолкнула. «Нет. Не сейчас». И, развернувшись, поплыла к берегу.

Чуть позже и вся остальная весёлая толпа вернулась на берег и пользуясь тем, что все они мокрые и под защитой воды, стали прыгать через костёр. Многие заранее об этом договаривались и, взявшись за руки, прыгали парами, а все остальные смотрели, кто прыгнет выше, смеялись и кричали, одобряя и подбадривая. Если пара, перемахнувшая через костер, не расцепила рук, значит они будут вместе.

Он взял её за руку и потянул к костру. Все одобрительно закричали и захлопали в ладоши. Поддавшись кипящему в крови адреналину и эмоциям друзей, она крепко сжала его горячую ладонь и вскочила с места. Он посмотрел ей в глаза и будто спрашивал, готова ли она прыгнуть с ним. Она засмеялась в ответ, но когда посмотрела на костёр, то как будто вернулась в реальность. Цветок костра своими огненными лепестками, казалось, вырос до самых небес и угрожающе лизал кромку лунного диска. Нет, ей ни за что не перепрыгнуть его! Она отрицательно помотала головой и, выдернув свою руку из его ладони, отступила. Кто-то из друзей разочарованно загудел, кто-то ободряюще закричал, и весе-

лье продолжилось с заменившей их парой.

Постепенно праздник переходил в свою спокойную фазу. Девушки затянули песни. А чуть позже кто-то предложил пойти в лес, где, якобы, недавно видел растущий папоротник. Все дружно согласились. Ведь в этот праздник каждый мечтал найти его цветущим. Все двинулись в лес и скрылись за деревьями.

Странные они, эти славянские праздники.

Он бродил по лесу в поисках какой-нибудь дичи, когда уже к вечеру услышал шум голосов, доносившийся со стороны реки за лесом. Это заинтересовало его. Он приблизился к кромке леса, чтобы, скрытый зарослями, он мог понаблюдать за всем, что там происходило.

Ему показалось, будто всё село собралось у речки. Зачем они здесь, да ещё в таком количестве? Все их действия были странными, но интересными. Люди излучали радость и казались счастливыми. Над ними витал дух мистицизма и веры. Красивы и мелодичны были их голоса, когда они напевали свои песни. Красивы были славянские девушки. А когда они все выбегали из воды, то он чуть не зажмурился от смущения, потому что мокрые сорочки совсем не скрывали их наготы. С распущенными длинными волосами девушки напоминали собой сказочных русалок.

Когда все стали прыгать через костёр, то он уже совсем испугался, подумав, что они совершенно дикие, ведь это опас-

но. Но потом и сам втянулся в эту игру и даже мысленно болел за то, чтобы прыгали повыше. И чуть сам разочарованно не загудел, когда одна пара отказалась прыгать. Ему даже из своего укрытия было видно, что девушка испугалась. Он вглядывался в неё, и издалека в чарующем свете костра она казалась ему загадочной и очень красивой.

Потом компания молодёжи вдруг засобиралась, и они двинулись в его сторону. От неожиданности он не сразу сообразил, что ему делать и, сорвавшись с места, неслышно побежал в глубь леса. Но отбежав не далеко, решил, что в темноте леса он может просто спрятаться и его не заметят. Он притаился у ствола дерева, вплотную к которому рос куст шиповника. Тихие голоса и шорох шагов приближались. Огоньки свечей плясали между деревьев. Они что-то искали, перекликаясь между собой, смеялись и шутили. Всё ближе и ближе.

Она прошла совсем рядом с ним. Ему даже показалось, что она сейчас его заметит. Он замер. Движение воздуха донесло до него свежий запах полевых цветов, горячего солнца и парного молока. Так пахла она. И это было до боли ему знакомо. Он прикрыл глаза, чтобы вдохнуть в себя этот запах и вспомнить. Вспомнить... Что вспомнить?

Она остановилась. Повернулась на месте и огляделась, будто что-то почувствовала. Она вертела головой из стороны в сторону, вглядываясь и прислушиваясь. Вот здесь, вот

на этом месте, что-то заставило её остановиться. Что-то как магнитом притягивало её к себе. Это было странно и совершенно непонятно. Сердце мягко сжималось и разжималось. Что это? Может она нашла место, где растёт этот сказочный папоротник, и почувствовала, как он её призывает? Да нет же, глупости...

Она вглядывалась в темноту. Вот оно...

Она почувствовала, что кто-то внимательно наблюдает за ней.

Да. Из темноты на неё, не мигая, смотрела пара глаз. Она уставилась в эти глаза, словно её заморозил неведомый колдун. Их взгляды переплелись невидимыми путами и невозможно было расцепиться. Потрясённый Космос древней памяти закричал и нехотя заворочался в глубинах их Душ, не желая выдавать своих тайн. Казалось, что это длится вечно.

Она моргнула.

И очнулась.

Что это было? Мистика волшебного праздника? На неё навели чары злые духи? И сколько прошло времени, пока она была зачарована?

Она повернулась и побежала к друзьям, которые уже вышли из леса и снова собрались у костра. Девушки пели песни и плели венки. Она присоединилась к ним. Из трав, цветов и гибких берёзовых веточек она сплела свой венок, вплетая в него свои мечты и желания.

Девушки зашли по колено в воду и каждая, вставив в серединку своего венка зажженную свечку, пускала его в плавание по речке. Течение мягко подхватило нарядные кораблики, груженные девичьими мечтами, и красивой светящейся вереницей понесло прочь. Девушки, провожая веночки, наблюдали каждый за своим. Некоторые венки тонули, сопровождаемые вздохом и стоном разочарования. Но большая часть, вселяя надежды и прощально мерцая светом свечей, уплывала всё дальше.

Звонкий голос кого-то из девушек восторженно воскликнул и в предрассветной тишине отозвался гулким эхом:

– Смотри, Настасья! Твой плывет самым первым! Значит быть тебе и самой счастливой!

О! Как же он любил мчать по степи на своём вороном скакуне! Быстрее ветра, быстрее света, быстрее мысли!!!

Ветер свистел в ушах и выдувал из головы все неприятные мысли, наполняя голову свободой и счастьем. Свежесть и запахи разнотравья врывались в ноздри и распирали легкие. Он любил эту степь. Он любил эти яркие цветочные ковры с проседью ковыля. Он любил свою свободную, кочевую жизнь. И вряд ли согласился бы променять её на что-то другое. Он был свободным. Он был воином. Оседлая и спокойная жизнь ему претила. И когда он вместе с соплеменниками плечом к плечу нёсся в бой, его душа ликовала и пела.

Сейчас же был спокойный период, и он изнывал от бездействия, поэтому носился по степи, пытаясь напиться её духом.

Отец частенько ворчал на него, называя несерьёзным мальчишкой, но он знал, что в душе отец гордился им. Он часто сопровождал отца на переговоры к славянским князьям и сам с лёгкостью говорил на их языке. Его мать была из пленных славянских женщин и, пока была жива, учила сына разговаривать не только на языке племени его отца, но и на своём родном языке. Отец любил эту женщину и взял её в жёны. Но несмотря на то, что она и была на особом положении среди кочевников, мальчик часто замечал печаль

в глазах матери. Он думал, что она до самой своей смерти в душе так и не смирилась с тем, что однажды перевернуло всю её жизнь. Но сына она любила беззаветно и безгранично.

Мальчик очень горевал, когда она не смогла пережить суровую зиму. И, несмотря на то, что считал себя уже мужчиной, плакал на похоронах, не скрывая слёз. В том возрасте, когда он только-только начал взрослеть, в душу ему закрадывались мысли о том, что что-то не так с походами отца и соплеменников за новыми землями. Но эта мысль была похоронена вместе с матерью.

Может быть он не мог простить ей того, что она ушла? Того, что она его бросила? Может быть поэтому его ярость так горела в бою? Он и сам не всегда мог себе ответить на эти вопросы. Он уносился от них на своём вороном скакуне быстрее ветра, быстрее света, быстрее мысли...

Сейчас он делал объезд постов, расставленных вдоль линии рва, отделявших земли одного из русских князей от степи, где хозяйничали другие кочевые племена. С племенем его отца и этим русским князем у них был заключен договор взаимопомощи. Они защищают и охраняют границы земель князя от посягательств других племён, а взамен могут свободно расселяться на его земле, промышлять и охотиться в его лесах.

Закончив со своими обязанностями, объехав все посты и получив от постовых подтверждение того, что всё в норме, он решил по пути домой проехать через лес и вернуться до-

мой с добычей. Хотелось немного погонять в крови адреналин. Взбодрить себя, встряхнуть, а иначе, казалось ему, что скоро он превратится в перебродившую пышную лепёшку, какие печёт его тётка.

– Настасья! – донёсся со двора громкий голос отца. – Настасья! Быстро запрягите мне телегу! Живо!!

И в тот же момент в дом влетела Лёля. Широко распахнутые глаза и разинутый рот говорили о том, что что-то случилось.

– Натя, – выпалила она, не успев переступить порог. – Пойдём быстрее!

– Да я поняла, что надо быстрее, – сказала Настя, вытирая, не помыв, руки от теста. – Только вот что случилось, объяснять никто не хочет.

Последнюю фразу она договаривала уже выбегая из дома. По двору носилась мать. Отец о чём-то сурово беседовал с Алёшкой, соседским парнем. Алексей стоял перед ним, словно сильно в чём-то провинился, но вины своей упорно не хотел признавать. Брови были сдвинуты на переносице, а губы упрямо сжаты.

Но всё это Настя отметила про себя мимоходом. С Лёлей они молниеносно выполняли отцовское распоряжение. Отец резко развернулся от Алексея и зашагал к подготовленной телеге.

– Алёнка, – понизив голос, обратился он к Лёле. – Принеси-ка мне из кладовки старый тулуп.

Лёля быстро метнулась в дом. Настя заглянула в лицо от-

цу, пытаясь прочесть хоть что-то. Отец не смотрел ни на кого. Он явно был зол. Очень зол. Вздвонован... И испуган. И это поразило Настю очень сильно. Потому как испуганным отца она никогда не видела.

Это был высокий, крепкий и волевой человек. С железным характером, крепким кулаком и сильным словом. Отец держал в управлении всю деревню. Был в почёте и уважаем каждым в деревне. И был на особом счету у князя. Его слушались и боялись. И ласков он был исключительно со своей семьёй, да и то нечасто.

И вот теперь этот отпечаток страха на его лице... Видать, и впрямь случилось что-то серьёзное...

Взяв у Лёли тулуп, отец кинул его на телегу и спешно вырулил со двора в сторону леса.

Настя обернулась туда, где недавно стоял Алёшка, но его и след простыл. Настя почувствовала укол досады. Мог бы и рассказать, что случилось. Повернулась к Лёле. Та стояла, сцепив руки за спиной и угрюмо смотрела отцу в след.

– Ну, что встали? – нарочито беззаботно, будто ничего сейчас и не произошло, спросила мама. – Ну-ка, разлетелись по своим делам! Бездельницы.

Настя взглядом показала Лёле, чтоб та шла за ней, и направилась в дом. Лёля нехотя развернулась и поплелась следом за Настей.

Настя была старше Лёли на три года, и для тринадцатилетней сестры всегда была в большом авторитете. Зайдя в дом,

Настя продолжила своё колдовство над тестом, а Лёля села рядом за стол.

– Что там, вообще, произошло? Тебе известно? – спросила Настя сестру.

– Ну так, – пожала плечами Лёля, потупив взгляд.

– Да говори уже...

– Ну я правда не знаю всего... – неуверенно сказал Лёля. – Нечаянно услышала, что, вроде как, всё дело в том, что Алёшка прибил в лесу кого-то... Вроде...

Настя аж перестала месить тесто.

– Кого?

– Ну вроде кого-то из этих... нерусских... кочевых...

Лицо у Насти вытянулось.

– Батюшки... – произнесла она и села на лавку у стола. –

И что ж теперь будет?

– Не знаю, – передёрнула плечами Алёнка. – Отец сейчас посмотрит, что там с ним... А этот наделал делов и в кусты...

Это она про Алексея. Если быть перед собой откровенной, то Лёля даже немного обиделась на него. Мог бы остаться и объяснить, что к чему, а то спрятался, как нашкодивший кот. Алёшка был такого же возраста, как и Настя, но всё детство они дружили втроём. Ходили вместе в лес, на речку, в поле к родителям. Общие игры и разговоры. Поэтому теперешнее бегство Алёшки Лёля расценила как чуть ли не предательство.

Отец вернулся, когда уже стемнело. Во дворе слышался

стук копыт. Мать спешно отложила прялку, жестом показала девочкам не ходить следом и выскочила из дома. Девчонки приникли к окну, но в плотной темноте не многое можно было разглядеть. Слышались только низкие мужские голоса. Девочки узнали голоса старших братьев, Ждана и Нечая, и отцовский. Слышались суета и возня. Мать снова быстро вошла в дом и, взяв целый ворох какого-то тряпья, опять вышла. Девчонки изнывали от любопытства, но в этот вечер они так ничего и не узнали. Мать строго-настрого приказала им идти в свою половину дома и ложиться спать, без разговоров и расспросов.

Они еще долго лежали без сна, перешёптываясь и прислушиваясь к звукам в ночи, пока, наконец, сон не одолел каждую.

Рано утром мать разбудила Настю и поманила рукой за собой. Лёля ещё спала. Настя быстренько привела себя в порядок и приготовилась выслушать мать.

– Так, Настасья, – сказала она, попутно наливая молока в большую глиняную кружку и отрывая от хлеба, ещё теплого и дымящегося, большой ломоть. – Вот, возьми и отнеси в сарай, где сено.

Настя приняла всё это из рук матери, но стояла и хлопала глазами.

– Зачем это? – не понимая, спросила Настя.

Мать заметно нервничала и колебалась.

– Там... – шепотом неуверенно начала она. – Раненый этот... Алёшка его вчера в лесу чуть не зарезал. Отец его привёз...

Мать посмотрела на нахмурившуюся Настю и шумно выдохнула. Помолчав, снова зашептала:

– Настя, мне это тоже не нравится, но отцовские решения не обсуждаются.

Настя молча смотрела на мать и не двигалась с места.

– Его нельзя было бросать в лесу, – продолжила мать. – И добивать его отец не стал, он же не зверь какой-то... Другого выхода не было. С этими половцами у нашего князя договор, они охраняют наши границы. А тут Лёшка... будь он

не ладен... Ох, не вышло б беды какой из-за этого!

Огромные голубые глаза матери наполнились слезами. Всем были известны жестокие набеги кочевников на другие города и селения. И даже когда говорили о том, что одно из их племён на стороне князя, никто не относился к ним с доверием. Наоборот, народ стал ещё больше их опасаться. Ведь это было равно, как если б стая волков охраняла табун лошадей.

– Только ты там осторожней... – продолжала мать. – Он ещё очень слаб, но ты всё поставь рядом и уходи. Захочет есть, сам возьмёт... бусурманин проклятый... Ты поняла?

Мать строго погрозила Насте указательным пальцем и промокнула глаза фартуком.

Настя вышла. Ей не было страшно. Было скорее любопытно.

Она вошла в сарай и прошла в ту его часть, где складывалось сено, сухое, но всё ещё вкусно пахнущее. Здесь на деревянном островке пола было настлано немного сена и старого тряпья, на котором лежал молодой человек, совсем ещё мальчишка. На лице его были ссадины, через всю правую щеку, от виска до подбородка, шёл старый некрасивый шрам, а на теле, уже тщательно перевязанном чистыми тканями, проступали красные пятна крови. Он был слегка прикрыт тёплым одеялом и лежал с закрытыми глазами. Лицо его было очень бледным... и каким-то странным.

Настя стояла над ним, нахмурившись, и пыталась разо-

браться, что же её так смущает во внешности этого человека.

Она присела рядом, не сводя с него глаз, и поставила рядом кружку. Сверху на кружку водрузила кусок хлеба. Его светлые волосы разметались вокруг головы вперемешку с сухой травой, а выражение спящего лица казалось безмятежным. Настя поднялась и, развернувшись, собралась было выйти, как услышала за спиной слабый оклик.

– Подожди...

Настя даже не сразу поняла, что это был его оклик. Она в недоумении оглядела сарай и уставилась на половца. Он приподнял голову и смотрел на неё.

– Не уходи. Как тебя зовут?

И вот теперь Настя поняла, что же её так смущало. Он не был похож на представителей кочевых племён, которых она иногда видела рядом с отцом. У него было славянское лицо. Большие голубые глаза и светлые, соломенного цвета, волосы.

– Ты говоришь по-нашему? – воскликнула Настя. – Откуда ты знаешь наш язык?

Он снова опустил голову на свою лежанку.

– Моя мать меня научила. Она славянка... Была...

Настя стояла в растерянности: ей нужно было уже уходить, но и стало интересно.

– Меня Настей зовут, – помолчав, сказала она.

Он потянулся к кружке с хлебом и взял хлеб в руки. Отщипнув от него небольшой кусочек, отправил в рот и мед-

ленно прожевал.

– Вкусно... Спасибо... – проглотив, произнес он. – А я – Торай.

Он попытался привстать, чтобы выпить молока, но скривился от боли и снова лёг. Настя вздохнула и, подойдя, присела рядом.

– Давай помогу.

Она помогла ему приподняться, подложила под голову и плечи побольше сена, скрутив его в валики, и поддержала кружку с молоком, чтоб не выронил.

И тут в сарай вбежала мать. Увидев, дочь, склонившуюся над раненым, она в испуге выкрикнула:

– Настасья! А ну-ка отойди сейчас же от него!!!

Подойдя к ним быстрым шагом, она рывком дернула на себя Настю.

– А ты! ... – полными страха глазами она уставилась на Торая. – Если хоть только пальцем дотронешься....

Она не закончила фразу, погрозила половцу пальцем и, держа Настю за руку, буквально вытащила следом за собой на улицу. Там она развернула её перед собой.

– Ты в своём уме?! – негодуя налетела она на дочь. – А если б он тебе что-то сделал??? Ты своей головой думаешь?! Ушла и пропала! Больше не приближайся к нему!

– Мама, ну Вы же сами меня к нему отправили. Да к тому же, чего его бояться, он даже подняться не может...

– Это волки, дочь! Они тебя и на расстоянии загрызут!

– Может они и волки, мама, но я – не животное! Я не могла его оставить голодным и беспомощным. И вообще, к чему этот разговор? Зачем его сюда привезли? Наверное, для того, чтобы выходить? Я же правильно понимаю? Если б отец хотел от него избавиться, то он бы сделал это в лесу, а не в собственном доме, мама.

Настя смотрела на мать сверху вниз. Настя ростом и статью пошла в отца. Высокая, стройная, крепкая, с густыми и длинными косами тёмно-русого цвета. А мама была маленького роста, с не совсем здоровой худобой и светлыми негустыми волосами, которые она заплетала в косы и прятала под красивыми цветастыми косынками. Два старших сына так же пошли в отца, и только Лёля была почти точной копией матери, с такими же огромными синими глазами, какими сейчас на Настю смотрела мать.

– Поговори у меня ещё... – бессильно буркнула мать и, махнув на Настю рукой, заспешила в дом.

Как и с мужем, со своими детьми у неё спорить не получалось. Настя пошла вслед за матерью. Зайдя в дом, она увидела, что Лёля уже тоже встала и завтракает, сидя за общим столом.

– Садитесь обе рядом, поговорить мне с вами нужно, – сказала мать и налила кружку молока Насте.

Настя села за стол рядом с Лёлей и оторвала от буханки хлеба небольшой кусок. Мать села напротив них и, сложив перед собой руки в замок, строго и решительно посмотрела

на дочерей.

– Это, наверное, про вчерашнее? – не переставая жевать, с набитым ртом спросила Лёля.

– Да, про то, что произошло вчера, строго-настрого на-казываю никому не говорить, – сказала мать. – С Алексеем отец сам разберётся. Это очень серьёзное дело, девочки. Так что не смейте болтать языками. А тебе, Алёна, в сарай не ходить! Поняла?

– Нет, – открыв рот, честно призналась Лёля. – Почему не ходить?

– Отец привёз раненого кочевника, – вместо матери ответила Настя.

Лёля ахнула и округлила и без того огромные глаза.

– И он у нас в сарае??

– Всё, без разговоров, – вскочила из-за стола мать. – Все всё поняли? Ешьте и потом все за работу, живо!

Перевалило за полдень. В делах и заботах день проходит быстро. К сараю девчонки не приближались. Всё работы, какие были так или иначе связаны с ним, делала мать. Сарай закрывала на замок, ключ прятала. Береженого Бог бережет. Насте было не интересно, а вот Лёля мучилась любопытством. Даже попыталась отыскать щелочку в двери сарая, чтобы хоть что-то разглядеть. Настя рассмеялась над ней и сказала, что та может даже не пытаться заглядывать, потому что ничего не увидит, так как половище находится там, где сено.

– А ты откуда знаешь? – буркнула Лёля.

– Ну я ж его утром кормить ходила, – мимоходом ответила Настя.

– Как?! – воскликнула Лёля. – А почему ты мне ничего не сказала???

– Вот поэтому! – смеясь, сказала Настя и погрозила ей пальцем.

На крыльцо вышла мать с корзиной. Нужно было отнести обед братьям в поле. Девочки взяли корзину и вышли со двора. Путь их лежал по накатанной телегами дороге вдоль кромки леса.

– Натя, ну скажи, он сильно страшный? – заглядывая в лицо Насте, всё пыталась вывести Лёля.

– Хм, с чего ты взяла, что он страшный? – удивилась Настя.

– Ну как?! – недоуменно воскликнула Лёля. – Он же... убийца, душегуб... и всё такое!

– А, ты вот про что... – задумчиво сказала Настя. – Было бы, конечно, здорово, если бы всё в жизни было так просто...

Действительно, было бы всё так просто. Плохое – значит уродливое. А то смотришь в его чистые и честные глаза и поверить не можешь, что этот человек безжалостный душегуб и алчный грабитель. Как в таких благородных оболочках могут скрываться жестокие демоны? Так получается, что жизнь только со временем раскрывает всю истинную сущность людей. И сразу невозможно понять, кто перед тобой: ангел, или демон. Наверняка и этот молодой кочевник был когда-то красивым мальчиком без шрамов и других отметин. И сейчас за его злодеяния жизнь ставит свои клейма, чтоб другие видели, кто он есть на самом деле. Да, наверное, это так.

Все эти мысли, словно табун лошадей, пронесли в Настиной голове и внесли ещё больше сумятицы. Поэтому она решила поразмыслить над этим позже.

– Какой он, Натя, ну расскажи! – дергала Лёля в нетерпении.

– Знаешь, вот если бы не шрам во всё лицо, то, наверное, он был бы очень красивым, – сказала Настя. – И, наверное, глядя на него, можно было бы подумать, что он какой-нибудь

заморский царевич. У него благородные черты лица... белая кожа, светлые волосы, голубые... красивые глаза...

Настя, сощурившись от солнца, глядела вдаль и в свои мысли. Она мысленно воспроизводила образ Торая, пытаясь состыковать с известной ей о нём и о его народе информацией. Вспомнила все рассказы о жестоких набегах кочевых племён степи. И картинка совсем не хотела складываться. Нет, он вписывался в эту картину, что рисовалась в голове у Насти, но он выбивался из неё, будто был над всем этим бушующим морем смертей и бед.

– ...Абсолютное Зло... – пробормотала она своим мыслям.

– Он, да? Он абсолютное зло? – с придыханием и ужасом в голосе спросила Лёля.

– А? ... – вернулась из своих мыслей Настя. – Нет, не он... Это я так, задумалась.

Настя нахмурилась в попытках отогнать от себя эти мысли. Они были не своевременными. Настя не любила додумывать всё на ходу, не зная всех фактов, а потом блуждать в догадках. Лучше она разузнает обо всём и поразмыслит над этим перед сном, когда в ночной тишине никто и ничто не может отвлечь её от раздумий и сбить с мыслей.

– Он не может быть светлым... – вдруг произнесла Лёля.

– Что? – Настя неожиданно вздрогнула от этих слов.

– Ну ты сказала, что у него белая кожа и светлые волосы... Я почему-то думала, что они все чёрные, – сказала Лё-

ля и добавила тихим голосом. – Как черти в сказках...

Настя рассмеялась. Они шли по дороге между полем и лесом. Жарко пригревало солнце, и облака мягкими белыми кучами плыли в высоком небе. В воздухе стоял звон и жужжание. Вдали колыхалось жаркое марево. Корзина ощутимо оттягивала Насте руки, и она часто перекладывала её то в одну, то в другую. Лёля топала рядом. Настя была гораздо выше её и шла неторопливо, но Лёле с её небольшим росточком приходилось делать широкие шаги. Целая куча коротеньких светлых волосинок выбилась из косы и вздыбилась, поднятая легким ветерком так, что казалось будто над головой у Лёли светящийся нимб. «Мой ангел-хранитель, а косынку-то не надела», – усмехнулась про себя Настя и, стянув с головы свой платок, протянула сестрёнке.

– Быстро повяжи, – сказала она Лёле. – А то напечёт голову, болеть потом будет.

Лёля вскинула на неё взгляд.

– А ты как же?

– А я уже большая, мне ничего не будет.

– Ага... как же, не будет... – забурчала Лёля, но косынку повязала.

За спиной послышался оклик. Они разом обернулись. Их догонял Алёшка. Настя, увидев его, почувствовала лёгкую досаду. Ей почему-то не хотелось ни видеть его, ни разговаривать с ним. Она, отвернувшись, продолжила свой путь. Догонит. Лёля посмотрела на сестру и поступила так же.

Настя ещё не поняла, почему произошла в ней такая перемена. Они вместе с детства. Знали друг о друге практически всё и понимали с полуслова. Взросление, конечно, вносило свои коррективы. Алёшка давно стал заглядываться на Настю по-другому. Как и множество других молодых людей в их селе. И ей это тоже нравилось. И льстило. Настя была завидной невестой, начиная с влиятельной и богатой семьи и заканчивая её собственными личностными качествами. И на их молодёжных посиделках Настя часто была в центре внимания. Но внимание Алексея, да и сам он ей нравились больше всех остальных.

Но сейчас всё изменилось... Когда Лёля сказала ей, что Алёшка кого-то прибил в лесу, она не могла поверить. Этого просто не могло быть. Он не мог никому причинить вреда. Кто угодно из знакомых ей парней. Только не Алёшка. Этот светлоглазый и добрый мальчик, который любил всех животных и насекомых на свете не мог просто так, ни за что и бездумно взять и прибить кого-то в лесу.

Прошедшей ночью Настя долго лежала без сна, глядя в темноту распахнутыми глазами, пытаясь аргументировать свои мысли и убедить себя, что он поступил правильно. Да, ведь сейчас беспокойное время и нужно быть начеку каждую минуту, и суметь защитить себя, свой народ и свою землю... Но тут же приходила в голову другая мысль, что всем известно, что с этим половецким князем у нашего князя было заключено мирное соглашение и договорённость об охране

границ нашего княжества. И нарушение их с нашей стороны теперь может повлечь большую беду для всего нашего народа. Почему Алёшка поступил так не подумавши, так глупо? И тут же Настя снова убеждала себя, что, возможно, он просто защищался, и кочевник напал на него первым.

Сейчас как раз была отличная возможность поговорить с Алёшкой и узнать у него всё, о чём он думал в тот момент, и что думает сейчас. Но Насте хотелось избежать разговора, будто она уже знала всё наперёд... Перед её мысленным взором стояли голубые, бездонные, как само небо, глаза раненого воина-кочевника. Они словно сами рассказали ей всё, как было на самом деле. Как бы Настя не отгоняла от себя эти мысли и не пыталась убедить себя, что все они просто игра её воображения, но они прочно закоренились в её голове, словно правда, реальная и непоколебимая.

– Давай я понесу корзину, – сказал Алёшка, догнав их и переводя дыхание.

Он взял у Насти корзину и пошел рядом с ними. Казалось, что настроение у него было преотличным.

– А ты почему не на сенокосе со всеми? – спросила Лёля.

– А я с вашим отцом к князю ездил! – с гордостью произнес Алексей.

– Ого! – восхитилась Лёля. – Это зачем же?

– Ну нужно же было рассказать, что вчера произошло. И сказать, что зря князь затеял дружбу с этими иноверцами. Не доведёт это до добра.

– Ух-ты, – не выдержала и саркастически усмехнулась Настя. – Давно ли ты стал княжеским советником?

– Не нужно смеяться, Настенька, – тоном прожившего жизнь мудреца произнес Алексей. – Ты не была на моём месте.

– Да и не дай Бог... – буркнула Настя.

Ей неприятен был этот разговор. Неприятна была бравада Алексея. Неужели он действительно не понимает того, какие последствия у его поступка могут быть?!

– Ну расскажи, как всё случилось? – допытывалась Лёля.

Алёшка словно ждал, когда же его попросят рассказать о его вчерашнем «подвиге», но Настя мрачно и грубо его перебила:

– Только без подробностей. Просто скажи, зачем ты на него напал? Зачем ты хотел его убить?

Алёшка аж поперхнулся и не сразу смог ответить. Настины слова его задели, удивили и испугали одновременно. Он приостановился, захлопал глазами, но тут же, мысленно взяв себя в руки, воскликнул:

– Да это он на меня напал! Я ходил в лес, чтобы наметить новые, пригодные для вырубki на зиму участки со старыми деревьями. А тут он! Орёт что-то на своём, машет саблей. Я ему говорю, что я его не трону, показываю, что я безоружный. Но он-то ничего не понимает по-нашему! Он кинулся на меня! Мы боролись, но я выхватил у него саблю и ранил. Ну, да... я испугался, что я ранил его, поэтому поспешил

к твоему отцу... Они опасные, это же хищники!.. Я защищал не только себя! Я защищал всех нас! Жаль, что я его не убил!

Настя остановилась и посмотрела в глаза Алёшки. Они были не искренними. Бегали, словно подсознательно искали укрытия от разоблачения, но не могли его найти. На щеках его проступил румянец. Дыхание стало частым. И чувствовалось, как сердце его учащенно бьется. Глаза его остановились на Насте.

– Это ты и князю сказал? – спросила она.

– Ну да! – излишне твёрдо ответил Алёшка.

– Но ведь ты лжёшь...

Их глаза смотрели в упор друг на друга. Капельки пота выступили у Алёшки на лбу и над верхней губой и сверкали под солнцем маленькими искрами. Алексей не выдержал взгляда, но, прикрыв глаза, почти зло спросил, разделяя слова:

– С чего... ты это... взяла?

Настя всё для себя поняла, развернулась и пошла по дороге. Лёля молча пошла следом, ошарашенная поворотом разговора. А Алёшка, немного постояв, поплёлся позади.

– Потому что он понимает по-нашему! – не поворачиваясь, громко, чтобы услышал Алёшка, сказала Настя. – И он говорит по-нашему! И мать у него была славянкой.

Всё, больше Насте не хотелось продолжать разговор, и они шли молча, пока не пришли на поле, где мужчины косили траву.

Вечером Настя видела, как отец зашёл в сарай и так долго оттуда не выходил, что Настя забеспокоилась. Когда отец вышел, Настя не решилась задавать ему вопросов. Чуть позже она подсела к матери, занимающейся пряжей. Стала ей помогать сматывать клубки и потихоньку выведывать, что ей может быть известно.

Оказалось, что князь после рассказа Алексея был очень разгневан на кочевников, но отец убедил его, что не стоит делать поспешных выводов после рассказов глупого и испуганного мальчишки. И пообещал, что всё узнает достоверно, поговорит с раненым, ибо конфликт сейчас не на руку никому. Но о чём отец разговаривал с половцем, мать так и не рассказала. Возможно, она и сама не знала.

Сказала, что рана его серьезная, но не опасная. По всей видимости, ничего не задето внутри и, возможно, он проваляется у них еще несколько дней. Посетовала на то, что «послал боженька ещё один лишний... поганый рот», но это, скорее, были просто слова и на самом деле она так не думала. Мать была доброй и сердечной женщиной. Рассказывая о том, как она на живую зашивала ему рану, и он даже не пикнул, глаза её наполнились слезами, хоть и не пролились. Чуть слышно она прошептала что-то типа «бедный мальчик» и «нехристи окаянные». Настю аж передёрнуло

от картины того, как зашивают живую плоть, и она постаралась сменить тему разговора. Насте было интересно, почему же отец решил поговорить ещё и с Тораем, не поверив рассказу Алёшки. Она спросила об этом у матери. Мать опустила взгляд, перестала мотать пряжу и вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.